

И. КАРЛИНСКИЙ

ПУРПУР И ПЕПЕЛ

РОМАН

Илья Карлинский
Пурпур и пепел

«Автор»

2026

Карлинский И.

Пурпур и пепел / И. Карлинский — «Автор», 2026

Эпический исторический роман о запретной любви между римским полководцем, впоследствии императором, Титом Флавием и иудейской царицей Береникой на фоне Иудейской войны (66-81 гг. н.э.). История исследует вечный конфликт между личным счастьем и общественным долгом, между любовью и властью, показывая, как даже самые сильные чувства могут быть раздавлены жерновами истории. Роман основан на реальных событиях. В эпоху, когда власть часто воспринимается как абсолютное благо, история Тита и Береники напоминает о её цене. Она показывает, что величайшие трагедии не те, где есть злодеи, а те, где добрые люди вынуждены делать невозможный выбор. Это история о том, что любовь не всегда побеждает. Но память о ней может пережить империи.

© Карлинский И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Илья Карлинский

Пурпур и пепел

И. Карлинский
Пурпур и пепел
(Император и царица Востока)
Роман

Для тех, кто любил и потерял.

Для тех, кто выбирал между долгом и счастьем.

Для тех, кто понимает, что величайшие трагедии — те, где нет злодеев, только обстоятельства.

Эта история для вас.

Berenicen statim ab urbe dimisit invitus invitam.

(Беренику он тотчас выслал из Рима, против её и против своего желания.)

Гай Светоний Транквилл . «Жизнь двенадцати цезарей», (книга «Божественный Тит глава7).

Пролог

Солнце над Великим морем в тот год казалось тяжёлым, словно отлитым из самородного золота. Оно медленно опускалось в бирюзовые воды, окрашивая горизонт в цвет свежей крови и тирского¹ пурпура. Этот свет заливал всё: от белых скал Италии до раскалённых камней Иудеи, словно пытаясь сшить воедино разрозненные куски Империи, которая начинала стонать под собственной тяжестью.

Римская дорога — *via* — резала землю безжалостно и прямо. По ней двигалась История. Это был звук, который невозможно было забыть: мерный, тяжёлый ритм тысяч окованных гвоздями калиг². Ритм, от которого дрожала земля в Галлии, Британии и теперь здесь, на Востоке.

Для легата Тита этот звук был колыбельной. Он рос среди блеска доспехов и запаха оружия. Его путь был предрешен: от блестящего юноши при дворе императора Клавдия до карающего меча империи. В его глазах отражалась холодная сталь Рима — цивилизации, которая не умела просить, а только забирать, превращая хаос в прямые линии своих лагерей и законов.

Но там, где заканчивались римские дороги, начинался иной мир. Мир, пахнущий ладаном³, нардом⁴ и пылью тысячелетий. Здесь, на Востоке, кровь была древнее камней Палатина⁵.

Царица Береника была плотью от плоти этой земли. В её жилах текла кровь Ирода Великого и Хасмонеев⁶ — безумная смесь амбиций, страсти и горечи утраченного величия. Она

¹ **Тир** — один из древнейших городов мира, расположенный на юге Ливана на побережье Средиземного моря. Город был основан финикийцами в III тысячелетии до н. э. и являлся крупнейшим торговым центром Средиземноморья, известным производством пурпурной краски.

² **Калиги** (лат. *caligae*) — тяжелая военная обувь, которую носили солдаты римских легионов и вспомогательных войск в эпоху Римской республики и ранней империи.

³ **Ладан** (или олибанум) — ароматическая древесная смола, получаемая из деревьев рода Босвеллия (*Boswellia*), произрастающих на Аравийском полуострове и в Восточной Африке.

⁴ **Нард** (или джатаманси) — многолетнее высокогорное растение семейства Валериановых (*Nardostachys jatamansi*), из корней которого получают одно из самых древних и ценных благовоний.

⁵ **Палатин** (лат. *Palatium*) — центральный из семи холмов Рима и одно из древнейших обитаемых мест города. Согласно легенде, именно здесь в пещере Луперкал волчица вскормила Ромула и Рема, и здесь же Ромул заложил основу будущего Рима.

⁶ **Хасмоней** (ивр. חַשְׁמוֹנַיִם *Хашмонаим*) — священнический род из поселения **Модин** (которое располагалось на границе **Иудеи** и **Самарии**), к которому принадлежали **Маккавеи**. Хасмоней и их потомки правили **Иудеей** в 140—37 годы до н. э. Фактически они были вождями народа с начала восстания против **Селевкии** в 167 году до н. э.

знала, что красота — это оружие более смертоносное, чем гладиус⁷, а шелк может душить надежнее пеньковой веревки. Она смотрела на Иерусалим, видя в его золотых куполах не обитель Бога, а драгоценный залог в игре, где ставкой была сама жизнь.

А рядом, в тени гор Коммагены⁸, ждал своего часа царь Антиох IV. Последний из великих эллинистических монархов, он был живым памятником эпохе, которая уходила в небытие. Его корона была тяжела от обязательств перед Римом, но его сердце всё еще помнило времена, когда восточные цари не склоняли головы перед сыновьями италийских всадников.

В ту осень 66 года нити их судеб начали сплетаться в один кровавый узел. Восстание в Иудее не было просто мятежом фанатиков. Это был взрыв накопленной веками ненависти, столкновение идеи Единого Бога и идеи Единого Цезаря.

Тит нес с собой порядок, устанавливаемый ценой разрушения.

Береника искала спасения в объятиях своего будущего врага.

Антиох пытался сохранить достоинство среди руин своего мира.

Над Храмом Иерусалима, над дворцами Кесарии⁹ и над палатками римских лагерей уже кружили орлы. Они еще не знали, что скоро им придется пировать на останках великой веры и великой любви.

Мир стоял на пороге пожара, который выжжет старое, чтобы дать место новому. И в этом пламени не было места для жалости. Только для истории, написанной победителями.

Глава 1

Рим, 65 год н.э.

Дворец утопал в золоте.

Это было первое, что замечал каждый посетитель *Domus Auega* — Золотого дома Нерона.

Не красота архитектуры, хотя она была безупречна, не величие пространств, хотя некоторые залы могли вместить целый легион. Золото. Повсюду золото. На стенах, на потолках, инкрустированное в мозаичные полы, обрамляющее фрески размером с храмовые фасады.

Император Нерон считал, что наконец-то живёт как подобает божеству. А то, что этот дворец был построен на пепелище тысяч римских домов, сгоревших в Великом пожаре год назад... Что ж, боги не извиняются перед смертными.

В этот вечер Нерон устроил банкет. Не государственное мероприятие — таковые он терпел с плохо скрытым раздражением, предпочитая проводить время с поэтами, актёрами и флейтистами. Нет, это был частный пир для избранных: тех, кто мог оценить его искусство, восхититься его талантом, аплодировать его декламации Гомера.

Триста гостей возлежали на ложах в огромном триклинии. Перед ними на золотых блюдах представали чудеса кулинарного искусства: фазаны из Фракии, устрицы из Британии, павлины, фаршированные трюфелями, мёд из Гиметта¹⁰, вина столетней выдержки. Рабы-нубийцы обмахивали гостей опахалами из страусовых перьев. Танцовщицы из Испании двигались под звуки кифар¹¹ и авлосов¹².

⁷ **Гладиус** (лат. *gladius*) — знаменитый короткий меч древнеримских легионеров, ставший символом могущества Римской империи. Благодаря своей компактности и эффективности в ближнем бою, он позволял римлянам доминировать на полях сражений на протяжении более пяти веков — с III века до н. э. по III век н.э.

⁸ **Коммагена** — древнее эллинистическое царство, располагавшееся в Малой Азии (территория современной южной Турции) в долине верхнего Евфрата.

⁹ **Кесария, Кесария Приморская** (*Caesarea Maritima*)-город, расположенный на побережье Средиземного моря между Тель-Авивом и Хайфой, основанный Иродом Великим около 25–13 гг. до н. э., веками служил столицей римской Иудеи.

¹⁰ **Гиметт** (греч. *Γιμηττός, Иммиттос*) — горная гряда к востоку от Афин, которая с древности и до наших дней остается одним из главных символов Аттики. **Гиметтский мед** считался лучшим в античном мире. Пчелы собирают его с дикого тимьяна (чабреца), что придает меду уникальный аромат. И сегодня мед с Гиметта — один из самых дорогих и качественных в Греции.

¹¹ **Кифара** (греч. *κithára*) — древнегреческий струнный щипковый инструмент, самая сложная и совершенная разновидность лиры. В античности она считалась инструментом профессионалов и была посвящена богу **Аполлону**.

И посреди всего этого великолепия, на возвышении, где мог видеть и быть видимым каждый, возлежал сам император.

Нерону Клавдию Цезарю Августу Германику было двадцать восемь лет. Он был красив в декадентской манере — мягкие черты лица, тщательно завитые волосы, глаза, подведенные сурьмой по восточной моде. На нём была туника из тирского пурпура, настолько насыщенного цвета, что казалась почти чёрной. Золотой венки — не лавровый, как у триумфаторов, а театральный, из позолоченного плюща — венчал его голову.

Император Нерон слушал, как горит империя: в Британии восстала королева Боудикка¹³, вырезав целый легион, в Галлии вспыхивали мятежи. А на Востоке, в Иудее, зрело восстание, которое грозило поглотить всё Средиземноморье.

Нерон не волновался. У него были легионы. У него были полководцы. У него был Рим — непобедимый, вечный, божественный.

Он был пьян. Не грубо, развязно пьян, как легионеры в таверне, но в том особом состоянии, когда вино развязывает язык и развеивает последние остатки самоконтроля. И сейчас, в этом состоянии, он вещал.

— Искусство! — провозглашал Нерон, размахивая чашей так, что вино расплескалось на мраморный пол. — Искусство — вот истинное величие! Не завоевания, не легионы, не эти грубые войны, которые мой божественный предок Август считал столь важными. Какой прок от завоевания Британии, если там нет театров? Какая польза от покорения Германии, если там никто не понимает поэзии?

Гости аплодировали. Что ещё им оставалось делать? Несогласие с императором было опасно при любых обстоятельствах, но особенно опасно с Нероном, который в приступах паранойи мог увидеть заговорщика в любом, кто хмурил брови не в тот момент.

Среди гостей, в тени колонны, куда свет ламп едва достигал, сидел человек, который не аплодировал.

Тит Флавий Веспасиан, двадцати шести лет, легат¹⁴ X легиона, только что вернувшийся из Британии, смотрел на происходящее с выражением тщательно контролируемой нейтральности. Высокий, широкоплечий, с лицом, которое можно было бы назвать красивым, если бы оно не было столь суровым, он выглядел неуместно среди этого моря шёлка и благовоний. Военный среди эстетов. Солдат среди поэтов.

Он был здесь не по своему желанию. Его отец, Веспасиан, настоял. «Ты должен показаться при дворе, — сказал старик. — Император должен видеть, что семья Флавиев лояльна. Особенно сейчас, когда так много шепчутся о заговорах».

Тит подчинился. Он всегда подчинялся отцу. Но внутренне каждая минута на этом банкете была пыткой.

Рядом с ним, на соседнем ложе, возлежал другой военный — Гней Юлий Агрикола, его друг и сослуживец по британской кампании.

— Он совершенно безумен, — прошептал Агрикола так тихо, что слышал только Тит.

— Осторожнее, — ответил Тит так же тихо. — Стены имеют уши. Особенно в этом дворце.

— Тит, посмотри на него. Он больше заботится о своём пении, чем о том, что половина империи готова восстать. Британия — пороховая бочка. Галлия недовольна. А на Востоке... ты слышал об Иудее?

¹² **Авлос** (греч. *αὐλός*) — самый популярный духовой инструмент Древней Греции. Хотя его часто называют «флейтой», по принципу звукоизвлечения это скорее предок современного **гобая** или **кларнета**, так как в его мундштуке использовалась двойная трость (язычок)

¹³ **Боудикка** (или Боадицея) — легендарная королева кельтского племени иценов, которая в 60–61 гг. н. э. возглавила масштабное восстание против римского владычества в Британии.

¹⁴ **Легат легиона** (*Legatus legionis*) - командующий легионом, обычно из сенаторского сословия.

Тит кивнул. Слухи достигли даже Британии. Волнения в Иерусалиме. Столкновения между иудеями и греками в Кесарии. Римский прокуратор¹⁵ Гессий Флор, чья жадность и жестокость стали легендарными даже по стандартам имперских чиновников, довёл провинцию до грани взрыва.

— Восстание неизбежно, — сказал Тит. — Вопрос только когда.

— И кого пошлют подавлять его? — спросил Агрикола риторически. — Твоего отца, конечно. Веспасиан — единственный полководец, которому Нерон ещё доверяет. Потому что твой отец — единственный, кто не лезет в политику.

Это было правдой. Веспасиан, несмотря на успехи в Британии, несмотря на репутацию блестящего тактика, оставался в тени. Он был из плебейского рода — семья налоговых сборщиков из Сабинии, пробившихся вверх благодаря военной службе. У него не было древнего имени, аристократических связей, сенаторских друзей, готовых плести интриги в его пользу.

И это, парадоксально, делало его ценным. Нерон боялся аристократов. Он казнил уже десятки сенаторов за подозрение в заговорах — реальных и воображаемых. Но плебей Веспасиан? Грубый солдат, который открыто презирал искусство и предпочитал военные лагеря дворцовым банкетам? Он был не опасен. Полезен, но не опасен.

— Пока, — подумал Тит. — Но когда-нибудь это изменится.

Он не подозревал, насколько пророческими были его мысли.

В другом конце огромного зала, скрытый от прямого взгляда императора рядами гостей и рабов, суесящихся с блюдами, сидел третий человек, чьё присутствие на этом банкете было не менее значимым.

Марк Антоний Прим, легат VII легиона, был полной противоположностью Тита. Невысокий, жилистый, с острыми чертами лица и ещё более острым умом, он был авантюристом по натуре и политиком по необходимости. Его военные таланты были неоспоримы, но его репутация была запятнана множеством скандалов — от подлога завещаний до тайных сделок с врагами Рима.

Нерон терпел его, потому что Прим был полезен. Но не доверял ему. Нерон не доверял никому.

Прим пил мало и наблюдал много. Его глаза, маленькие и умные, постоянно двигались, фиксируя, кто с кем говорит, кто пьёт слишком много, кто слишком громко смеётся над шутками императора (подозрительно), кто недостаточно громко (ещё более подозрительно).

Он заметил Тита. Заметил его сдержанность, его нежелание участвовать в театре лести, окружавшем Нерона. И подумал: «Вот человек, который либо очень храбр, либо очень глуп. Время покажет, что из этого».

Прим знал то, чего не знали многие в этом зале. Знал, что легионы в Галлии и Испании на грани мятежа. Знал, что губернатор Тарраконской Испании, старый сенатор Гальба, тайно собирает сторонников. Знал, что преторианская¹⁶ гвардия — личная армия императора, которая должна была защищать его, недовольна задержками жалования.

Империя гнила изнутри. И Нерон, пьяный и декламирующий плохие стихи, этого даже не замечал.

— Скоро, — подумал Прим. — Очень скоро всё рухнет. И тогда начнётся настоящая игра. Вопрос только в том, кто окажется достаточно умным или достаточно безжалостным, чтобы выиграть её.

¹⁵ **Прокуратор-наместник** - управлял небольшими или беспокойными областями (например, Иудеей, Рецией или Нориком). Он обладал высшей военной и судебной властью (*ius gladii* — право меча, т. е. право выносить смертные приговоры).

¹⁶ **Преторианская гвардия** (*cohortes praetoriae*) — элитное подразделение римской армии, служившее личной охраной императоров.

Банкет продолжался до глубокой ночи. Нерон, всё более пьяный, в какой-то момент решил развлечь гостей личным выступлением. Он взял кифару — инкрустированную золотом и слоновой костью, стоившую больше, чем годовое жалование легиона — и начал петь.

Его голос был... неплохим. Нерон действительно упражнялся годами, работал с лучшими музыкантами империи. Но в его исполнении было что-то неприятное, какая-то чрезмерная аффектация, манерность, которая делала даже хорошую технику отталкивающей.

Однако гости аплодировали бурно, восторженно. Некоторые плакали от «переполняющих эмоций». Поэт Луций Сенека (племянник знаменитого философа) провозгласил, что сам Аполлон должен завидовать таланту Цезаря. Нерон сиял.

И не замечал, что в углах залов, там, куда свет не достигал, некоторые гости переглядывались. С презрением, с жалостью, с расчётом.

В тёмных углах дворца, в тени колонн и за спинами преторианцев, уже шептались о другом. О том, что Нерон безумен. О том, что он убил мать, жену, брата. О том, что его правление — это позор для Рима. О том, что империя нуждается в новом господине.

Среди тех, кто шептал, был Веспасиан — человек из плебейского рода. Грубый, циничный, невероятно умный. Человек, который понимал, что империи нужна не роскошь, а сила. Не поэт на троне, а солдат.

У Веспасиана было два сына. Младший, Домициан, был красив, амбициозен и полон зависти к старшему.. Старший, Тит, был воплощением того, кем должен быть римлянин — воин, стратег, человек долга.

Империя смотрела на своего императора и видела не бога, как он думал. Видела безумца, играющего на лире.

Когда банкет наконец закончился и гости начали расходиться — многие поддерживаемые рабами, слишком пьяные, чтобы идти самостоятельно — Тит вышел на свежий воздух императорских садов и глубоко вдохнул.

Ночной Рим раскинулся внизу. Миллион огней — факелы на улицах, лампы в окнах, костры на холмах. Величайший город мира. Сердце империи, простирающейся от Британии до Евфрата.

И правил всем этим... кто? Певец. Актёр. Человек, который убил собственную мать, потому что она мешала его артистическим амбициям.

— Ты думаешь то же, что и я, — сказал голос за его спиной.

Тит обернулся. Его отец, Веспасиан, стоял в тени колоннады. В шестьдесят лет он выглядел вырубленным из гранита — коренастый, лысеющий, с лицом, изрезанным шрамами и морщинами сорока лет военной службы.

— Отец. Я не знал, что ты здесь.

— Я держался в стороне. Нерон не любит видеть меня на своих... представлениях. Я напоминаю ему, что есть люди, которым его пение не кажется божественным. — Веспасиан подошёл к паркету, встал рядом с сыном. — Но я должен был прийти. Показать. Политика требует.

— Ты ненавидишь политику.

— Да. Но я люблю Рим. А Рим сейчас нуждается в людях, которые помнят, что империя строилась не поэтами, а солдатами. — Старик посмотрел на сына. — Ты хорошо держался там. Не льстил слишком открыто. Но и не показывал презрения. Это умно.

— Я учился у лучшего.

Веспасиан усмехнулся — звук смеха без особой радости.

— Тит, я должен сказать тебе кое-что. Нерон хочет отправить меня в Иудею. Восстание действительно началось. Они вырезали римский гарнизон в Иерусалиме. Прокуратор Флор сидит в Кесарии. Ситуация катастрофическая.

Тит медленно кивнул.

— Я еду с тобой.

— Я знал, что ты так скажешь. — Веспасиан положил тяжёлую руку на плечо сына. — Это будет тяжёлая кампания, сын. Не то, что Британия. Иудеи... они фанатики. Они предпочтут умереть до последнего человека, чем сдаться. Их религия не позволяет компромиссов.

— Тогда мы дадим им смерть, которую они ищут, — сказал Тит холодно.

Веспасиан пристально посмотрел на сына.

— Осторожнее с такими словами. Жестокость имеет цену. Иногда цену, которую ты не ожидаешь заплатить. — Он отвернулся к городу. — Я видел слишком много хороших людей, ожесточённых войной. Не позволяй ей ожесточить тебя.

— Я буду помнить, отец.

Но, даже произнося эти слова, Тит не мог знать, какими пророческими они окажутся. Что война в Иудее изменит его путями, которые он даже не мог вообразить. Что там, среди крови и пепла, он встретит женщину, которая станет его проклятием и его спасением. Что любовь, которую он найдёт, будет стоять дороже, чем любая победа.

Но это было впереди.

Сейчас была только ночь. И звёзды над Римом. И чувство, разделяемое отцом и сыном, что мир, который они знали, стоит на краю пропасти.

И что скоро, очень скоро он упадёт.

Веспасиан и Тит не знали, что они едут не просто на войну.

Они ехали навстречу судьбе.

К женщине, которая изменит всё.

К любви, которая будет стоять дороже, чем империя.

К трагедии, которая эхом отзовется через века.

Глава 2

Иерусалим, одновременно с событиями в Риме

Пока Нерон пировал в своём Золотом доме, за тысячу миль к востоку, в городе, который римляне презрительно называли «Hierosolyma», а его жители с благоговением — «Иерусалаим», другая драма разворачивалась с той же неизбежностью греческой трагедии.

Береника не спала. Это становилось привычкой — бессонница, которая приходила с властью и ответственностью. В тридцать семь лет она уже была вдовой трижды, правительницей дважды, изгнанницей однажды. Её жизнь была картой Ближнего Востока, прочерченной браками, разводами и политическими союзами, которые редко приносили что-либо, кроме унижения.

Но сейчас, стоя на террасе своего дворца в Иерусалиме, глядя на ночной город, раскинувшийся под холмом, она не думала о прошлом. Она думала о будущем. О том будущем, которого, как она всё больше понимала, может не быть.

Город был тих в этот предрассветный час, но это была обманчивая тишина. Как затишье перед бурей. Как задержка дыхания перед криком.

Береника знала эти признаки. Она видела их раньше, в других городах, в другие времена. Напряжение в воздухе. Способ, которым люди группировались на рыночных площадях, говоря тихо, но страстно. Взгляды, бросаемые на римские патрули — не просто неприязненные, но полные ненависти, граничащей с безумием.

Иерусалим готовился к войне.

И Береника, которая научилась читать политические ветры, как моряки читают облака, знала: эта война будет катастрофой.

За её спиной послышались шаги. Она обернулась. Её брат, царь Агриппа II, вышел на террасу, закутанный в плащ, его лицо было бледным и усталым.

— Ты не спишь, — сказал он. Не спрашивая, утверждая.

— Как я могу спать, когда мир рушится? — ответила Береника.

Агриппа присоединился к ней у парапета. В свои тридцать шесть лет он выглядел старше — седые волосы, изможденное лицо, руки, которые слегка дрожали, когда он думал, что никто не видит. Бремя короны, которая ничего не значила, было тяжёлым.

Они стояли в молчании несколько минут, брат и сестра, последние Иродиады, смотрели на город их предков и думали о том, что скоро от него может ничего не остаться.

— Элеазар бен Ханания объявил вчера, что прекращает жертвоприношения за императора, — сказал Агриппа наконец.

Береника замерла. Это было не просто религиозное решение. Это было объявление войны.

С тех пор как Помпей завоевал Иудею век назад, храмовые священники ежедневно приносили жертвы за здоровье и процветание римского императора. Это был компромисс — способ показать лояльность Риму без предательства иудейского монотеизма. Евреи не могли поклоняться императору как богу, но могли просить своего Бога благословить его.

Прекращение этих жертвоприношений было оскорблением, которое Рим не мог игнорировать.

— Когда Рим узнает, — сказала Береника тихо, — они пошлют легионы.

— Я знаю.

— И эти легионы не остановятся, пока Иерусалим не будет в руинах.

— Я знаю.

— Тогда почему мы ничего не делаем? — Голос Береники повысился, гнев и отчаяние прорвались сквозь её обычную сдержанность. — Почему мы просто стоим и смотрим, как зелоты¹⁷ ведут наш народ к самоубийству?

Агриппа повернулся к ней, и в его глазах была такая боль, что она почти отшатнулась.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал, Береника? Я царь без царства. У меня нет армии. У меня нет власти. Римляне позволяют мне носить диадему и называться царём, но все знают правду — я марионетка. Если я выступлю против зелотов, они убьют меня. Если я выступлю против Рима, они свергнут меня. Я застрял между двумя силами, каждая из которых может раздавить меня, как насекомое.

— Тогда мы должны выбрать одну сторону, — сказала Береника твёрдо. — Меньшее из двух зол.

— И какая сторона меньше зло? — спросил Агриппа. — Рим, который завоевал нас, обложил непомерными налогами, послал прокураторов, которые грабят и убивают? Или наш собственный народ, который называет нас предателями за сотрудничество с теми же римлянами?

Береника не сразу ответила. Потому что это был вопрос, с которым она боролась месяцами, годами. Вопрос лояльности в мире, где лояльность могла привести либо к предательству, либо к самоуничтожению.

Наконец она сказала:

— Рим непобедим. Ты знаешь это. Я знаю это. Даже зелоты знают это, хотя отказываются признать. Если мы восстанем, мы проиграем. Единственный вопрос — сколько умрёт, прежде чем конец придёт.

— Так ты предлагаешь... сдаться?

— Я предлагаю выжить, — ответила Береника. — Любой ценой.

Солнце поднималось над Масличной горой, окрашивая Храм в золотые и розовые оттенки. Храм — сердце Иудеи, чудо архитектуры, одно из величайших зданий древнего мира.

¹⁷ **Зелоты** (греч. *zelotes* — «ревнители»; ивр. *канаим*) — это радикальное социально-политическое и религиозное течение в Иудее I века н. э., выступавшее за полное освобождение от власти Рима и бескомпромиссную верность законам Торы. Их главным лозунгом было «Нет царя, кроме Бога». Они считали уплату налогов Риму и признание императора владыкой тяжким грехом и актом измены вере.

Мраморные стены, облицованные золотыми пластинами, сверкали так ярко, что на них больно было смотреть в полдень.

Это был символ. Не просто религиозный центр, но физическое воплощение обещания, что Бог не забыл свой народ. Что, несмотря на изгнания, завоевания, унижения, иудеи всё ещё были избранным народом.

И именно поэтому, знала Береника, Храм обречён.

Потому что, когда Рим придёт — не «если», а «когда» — они не пощадят его. Рим не прощает мятежей. И символы мятежа уничтожаются первыми.

Она подумала о своём прадеде, Ироде Великом, который перестроил этот Храм, превратив его из скромного строения в это чудо. Ирод был чудовищем — убийца собственной жены и сыновей, параноик, тиран. Но он также был провидцем. Он понимал, что величественный Храм будет не просто религиозным центром, но политическим заявлением: иудеи могут быть подчинены Риму, но они не уничтожены.

Но то, что построил Ирод, разрушат зелоты. Своим безумным восстанием против силы, которую невозможно победить.

— Я должна что-то сделать, — прошептала Береника, больше себе, чем брату.

— Что? — спросил Агриппа. — Что может сделать одна женщина против тысяч фанатиков и легионов Рима?

Береника повернулась к нему, и в её глазах было что-то, что заставило его отступить на шаг.

— Я не знаю ещё. Но я найду способ. Я должна. Потому что если я не попытаюсь — если мы просто сдадимся неизбежности — тогда всё, что мы есть, всё, чем были, исчезнет. И останется только пепел.

Агриппа смотрел на сестру долго. Видел решимость. Видел отчаяние. Видел то же самое качество, которое делало их деда великим и ужасным одновременно — неспособность принять поражение, даже когда поражение было неизбежно.

— Будь осторожна, сестра, — сказал он наконец. — То, что ты задумываешь... это может привести к большему, чем просто наше падение. Это может привести к падению всего, что мы любим.

— Возможно, — согласилась Береника. — Но бездействие приведёт к тому же результату. По крайней мере, так я буду знать, что пыталась.

Она вернулась в свои покои, оставив Агриппу одного на террасе, с восходящим солнцем и растущим чувством, что его сестра только что приняла решение, которое изменит не только их жизни, но и ход истории.

Глава 3

Кесария, через две недели

Кесария была полной противоположностью Иерусалиму.

Там, где священный город был древним, суровым, переполненным религиозным пылом и политическими интригами, Кесария была современной, космополитичной, римской до мозга костей. Построенная Иродом Великим как дар императору Августу, она стала административной столицей Иудеи — местом, где жили римские прокураторы, дислоцировались легионы, процветала торговля.

Здесь на улицах говорили больше на греческом и латыни, чем на арамейском. Здесь стояли храмы римским богам, а не только синагоги. Здесь амфитеатр возвышался у самого моря, и гладиаторские игры собирали толпы зрителей.

Это был город двух миров — иудейского и языческого, — существующих бок о бок, но никогда по-настоящему не смешивающихся. И именно это напряжение делало его идеальным местом для того, что Береника планировала.

Она прибыла тихо, с минимальным эскортом, под предлогом посещения своих владений в регионе. Официально она всё ещё была царицей Халкиды, маленького царства на севере, но фактически её власть распространялась только настолько, насколько Рим позволял. А Рим, в лице прокуратора Гессия Флора, позволял очень мало.

Флор был воплощением всего худшего в римском правлении. Жадный, жестокий, некомпетентный — он выжимал из провинции всё, что мог, не заботясь о последствиях. Говорили, что он открыто продавал должности, грабил храмовую казну, позволял своим солдатам безнаказанно насиловать и убивать.

Именно его действия — или скорее бездействие перед лицом растущего насилия между иудеями и греками в Кесарии — стали одной из искр, воспламенивших восстание.

Но Береника была здесь не для встречи с Флором. Она давно поняла, что прокуратор был потерян для разума. Нет, она искала других людей. Людей, которые, как она надеялась, всё ещё могли быть убеждены, что война — не единственный путь.

Она нашла Иосифа бен Маггафию в скромной таверне у гавани, где он встречался с другими представителями иудейской аристократии.

Иосиф был молодым человеком — всего двадцать девять лет — но уже зарекомендовал себя как один из самых ярких умов своего поколения. Священник из знатной семьи, он провёл годы, изучая иудейский закон, но также греческую философию и историю. Он был редким сочетанием традиционалиста и космополита, способного видеть обе стороны растущего конфликта.

Именно поэтому Береника искала его.

Когда она вошла в таверну — одна, в простом плаще, скрывающем её царские одежды, — разговоры на мгновение стихли. Присутствие женщины в таком месте было необычным. Присутствие царицы было беспрецедентным.

Но Иосиф поднялся немедленно, жестом приглашая её к столу.

— Царица Береника, — сказал он на чистом греческом. — Это неожиданная честь.

— Иосиф, — ответила она, садясь. — Я надеюсь, что не слишком навязываюсь.

— Совсем нет. Хотя должен признать, я удивлён. Обычно царицы не посещают портовые таверны.

— Обычные времена прошли, — сказала Береника. — И обычные правила больше не применяются.

Другие мужчины за столом — все из влиятельных иудейских семей Кесарии — смотрели на неё с выражениями от любопытства до открытой враждебности. Береника знала, что некоторые из них считали её предательницей за слишком близкие связи с Римом.

Она не обращала внимания на их взгляды. Её внимание было сосредоточено на Иосифе.

— Я пришла просить совета, — сказала она прямо. — И, возможно, помощи.

— В чём?

— В предотвращении катастрофы, которую я вижу надвигающейся. — Она оглянулась на остальных. — Вы все чувствуете это. Я знаю, что чувствуете. Напряжение на улицах. Шёпот о восстании. Безумие zelотов, которое распространяется как чума.

Один из старших мужчин, Ханан бен Ханан, бывший первосвященник, наклонился вперёд.

— Что ты предлагаешь, царица? Чтобы мы сдались? Позволили римлянам продолжать грабить нас, оскорблять наши святыни, убивать наших детей?

— Я предлагаю, чтобы мы подумали о последствиях, — ответила Береника холодно. — Рим уничтожил Карфаген. Они сожгли Коринф. Они продали в рабство целые народы, которые осмелились восстать. И вы думаете, что мы — маленькая провинция на краю империи — можем победить их?

— С помощью Бога, всё возможно, — сказал другой мужчина, молодой и горячий.

— Бог, — повторила Береника, и в её голосе была горечь, которую она редко позволяла себе показывать. — Скажи мне, где был Бог, когда Помпей завоевал Иерусалим? Где Он был, когда Ирод убивал священников? Где Он был столетиями, пока мы были порабощены — сначала вавилонянами, потом персами, потом греками, теперь римлянами?

Тишина упала на стол, тяжёлая и неудобная. Некоторые мужчины отводили взгляды. Ханан хмурился. Но Иосиф смотрел на неё с выражением, которое могло быть пониманием.

— Ты говоришь богохульство, царица, — сказал Ханан наконец.

— Я говорю правду, — ответила Береника. — Горькую, болезненную правду, которую никто не хочет слышать. Мы не можем победить Рим силой оружия. Единственный вопрос — хотим ли мы выжить как народ или предпочитаем умереть как мученики.

— И ты выбираешь выживание, — сказал Иосиф тихо. Не осуждение, просто наблюдение.

— Всегда, — подтвердила Береника. — Я видела слишком много смертей в моей жизни. Трёх мужей. Бесчисленных друзей. Мой отец умер, возможно, отравленный за слишком близкую дружбу с Римом. Я не романтизирую смерть. Я не верю, что мученичество что-либо меняет, кроме числа мёртвых.

Она встала, готовясь уйти, потом остановилась и повернулась обратно к столу.

— Вы все — умные люди. Образованные. Вы видели мир за пределами Иудеи. Вы знаете римскую мощь. Так я прошу вас: используйте ваше влияние. Говорите против безумия восстания. Может быть, если достаточно голосов разума будут слышны, мы можем предотвратить катастрофу.

— А если мы не можем? — спросил Иосиф.

Береника посмотрела на него долго.

— Тогда, по крайней мере, запишите это. Запишите, что некоторые из нас пытались. Что не все были захвачены безумием. Чтобы будущие поколения знали — мы не хотели этого.

Она вышла, оставив мужчин в тишине за столом.

Иосиф смотрел на дверь, через которую она прошла, долго после того, как она исчезла. И думал о её словах. О выживании против мученичества. О записи истории для будущего.

Он не знал тогда, что её просьба станет его жизненной работой. Что он действительно запишет всё — войну, осады, разрушение, трагедию. И что между строк его истории будущие читатели найдут намёки на другую трагедию — личную, интимную, не менее разрушительную, чем падение городов.

Глава 4

Иерусалим, три недели спустя

Восстание началось не с грандиозного сражения или героической речи. Оно началось с насилия на улице и реакции, которая вышла из-под контроля.

Это был шабат. Иерусалим был полон паломников, пришедших на приближающийся праздник. Улицы кишели народом: торговцами, продающими жертвенных животных, менялами, обменивающими римские монеты на храмовые шекели, священниками, спешащими к службам.

У входа в синагогу в Нижнем городе группа греческих юношей — возможно, пьяных, возможно, просто скучающих — решила развлечься, издеваясь над иудеями, входящими на молитву. Они принесли горшок и начали приносить языческие жертвы прямо у порога святого места, намеренно оскверняя его.

Это был не первый такой инцидент. Напряжение между греческим и иудейским населением кипело месяцами. Прокуратор Флор, который должен был поддерживать порядок, игнорировал жалобы или хуже — поощрял греков, видя в них более лояльных Риму.

Но на этот раз что-то сломалось.

Иудейский торговец — большой, сильный человек, торговавший медью — вышел из толпы и толкнул главного греческого насмешника. Произошел обмен словами и толчками. Толчки превратились в удары. Толпа с обеих сторон вступила в драку.

В течение минут вся улица превратилась в поле битвы. Камни летели. Ножи появились. Кто-то поджёт греческую лавку. Кто-то другой ответил, поджигая иудейскую.

Римские солдаты прибыли быстро — центурия¹⁸ под командованием старшего центуриона¹⁹ Метелла. Но вместо того, чтобы успокоить обе стороны, они ударили только по иудеям. Флор всегда приказывал им "не церемониться с мятежниками".

То, что началось как уличная драка, превратилось в резню.

Когда это закончилось, тридцать семь иудеев были мертвы. Сотни ранены. И весь Нижний город кипел от ярости.

Береника узнала о насилии вечером. Она была в своём дворце, когда прибыл гонец — один из её слуг, побледневший и запыхавшийся от бега.

— Царица, — задыхался он, — город горит. Римляне убивают людей на улицах. Первосвященник призывает к чрезвычайному собранию Синедриона. Зелоты вооружаются. Это... это началось.

Береника почувствовала, как что-то холодное сжимается в её груди. Она знала, что этот момент придёт. Но знать и переживать — разные вещи.

— Где мой брат?

— Царь Агриппа уехал в Кесарию Филиппову²⁰ вчера. Он не знает...

— Отправь гонца немедленно. Скажи ему вернуться. — Она повернулась к своим слуганкам. — Готовьте простую одежду. Я иду в город.

— Царица, это опасно...

— Я знаю. Делайте, что я сказала.

Через полчаса, одетая в простое серое платье, с головой покрытой шалью, Береника вышла из дворца с тремя охранниками, одетыми в обычную городскую одежду. Они пробирались через Верхний город к нижнему кварталу, где произошло насилие.

То, что она увидела, заставило её остановиться.

Улицы были залиты кровью. Буквально. Красные лужи на каменных мостовых, стекающие в водостоки. Тела всё ещё лежали там, где упали — никто не осмеливался забрать их, боясь римских солдат. Дома горели. Женщины рыдали над мёртвыми мужьями и сыновьями.

И повсюду — ярость. Чистая, первобытная ярость. Мужчины с искажёнными от гнева лицами собирались группами, размахивая импровизированным оружием, кричали о мести, о священной войне, о том, что Бог накажет римских угнетателей.

Береника нашла старого раввина Йоханана бен Заккая среди развалин синагоги, которая была частично разрушена в беспорядках. Старик, семидесяти лет, один из самых уважаемых мудрецов Иерусалима, сидел на обломках, его белая борода была испачкана пеплом.

— Рабби Йоханан, — окликнула его Береника тихо.

Он поднял глаза. Узнал её, несмотря на простую одежду.

— Царица Береника. — Его голос был хриплым от дыма. — Ты пришла увидеть конец света?

¹⁸ **Центурия** (*Centuria*) - основное тактическое подразделение римской армии. Название происходит от лат. *centum* («сто»), так как изначально в центурии было 100 воинов. Однако со временем (после реформ Гая Мария) стандартный размер сократился до **80 человек**.

¹⁹ **Центурион** (*Centurio*) - профессиональный офицер, командовавший центурией. Центурионы были «становым хребтом» легиона. Они не только вели солдат в бой (всегда находясь в первой шеренге), но и отвечали за обучение, повседневную дисциплину и инспекции.

²⁰ **Кесария Филиппова** (лат. *Caesarea Philippi*) — древний город у подножия горы Хермон, расположенный в живописном месте у истоков реки Иордан. Сегодня это территория национального парка **Баниас** на севере Израиля.

— Это ещё не конец, — сказала она, садясь рядом с ним на камни. — Только начало.

— Начало конца, — поправил рабби. — Я предупреждал. Месяцами, годами я предупреждал. Не восставайте против Рима. Рим непобедим. Но никто не слушал старого раввина. Они предпочитают слушать zelотов, которые обещают чудеса и победу.

— Что будет теперь?

Рабби Йоханан посмотрел на неё долго, его старые глаза были полны печали, которая шла глубже этого одного дня, этой одной трагедии.

— Теперь? Теперь молодые мужчины возьмут оружие. Они атакуют римский гарнизон. Римляне ответят силой. Больше людей умрёт. Кровь породит больше крови, месть породит больше мести. И в конце... — Он указал на Храм, возвышающийся над городом. — В конце это тоже будет в руинах. И наш народ будет рассеян до концов земли.

— Тогда что мы должны делать? — спросила Береника, и в её голосе была отчаяние. — Просто принять неизбежность? Сдаться без борьбы?

— Бороться, — ответил рабби. — Но не так, как хотят zelоты. Не мечами против легионов. Бороться за выживание нашей души, нашего учения, нашей самобытности. Если физический Храм падёт, мы должны сохранить Храм в наших сердцах. — Он взял её руку старыми, дрожащими пальцами. — Ты можешь помочь, царица. У тебя есть связи с римлянами. Используй их. Спаси то, что можно спасти. Не города — города падут. Но людей. Мудрецов. Свитки. Память.

Береника сжала его руку в ответ.

— Я попытаюсь. Клянусь тебе, рабби, я попытаюсь.

Но даже произнося эти слова, она знала: то, что она планировала, приведёт к тому, что многие назовут её предательницей. Что её имя будет проклято поколениями как символ сотрудничества с врагом.

Она не знала тогда, что это проклятие будет наименьшей ценой, которую она заплатит. Что настоящая цена будет измеряться не в репутации, а в любви, потерянной и обрётённой, в сердце, разбитом и не заживающем, в жизни, прожитой между двумя мирами и не принадлежащей ни одному.

Той ночью, в римском гарнизоне в Иерусалиме, центурион Метелл писал отчёт для прокуратора Флора:

"Беспорядки подавлены. 37 иудейских мятежников убито. Рекомендую запросить подкрепление. Ситуация выходит из-под контроля. Местное население полностью враждебно. Возможен организованный мятеж в ближайшие недели..."

Отчёт был отправлен в Кесарию той же ночью.

Флор прочитал его, усмехнулся и выбросил в огонь. Подкрепление стоило денег. Деньги, которые он предпочёл бы потратить на расширение своей виллы.

Пусть иудеи восстают. Когда легионы придут из Сирии, они будут разгромлены. И в хаосе после поражения он сможет конфисковать ещё больше имущества мятежников.

Флор не знал, что его жадность только что подписала смертный приговор тысячам. Или что он сам не проживёт достаточно долго, чтобы насладиться своей новой виллой. Разъярённая толпа убьёт его через шесть месяцев. А его тело выбросят собакам.

Но это было впереди.

Сейчас была только ночь. И тишина перед бурей. И по всему Иерусалиму люди лежали без сна, слушая звуки города, готовящегося к войне.

Стук молотов, куют оружие.

Шёпот молитв.

Плач женщин, знающих, что скоро будут вдовами.

И где-то, во дворце на холме, царица стояла на своей террасе и смотрела на звёзды, и думала о том, что она должна будет сделать. О союзе с завоевателями. О предательстве, которое

было также спасением. О цене, которую она заплатит — и которая окажется выше, чем она могла вообразить.

Предчувствие закончилось. История началась.

Глава 5

Иерусалим, весна 66 года н.э.

Рассвет приходил в Иерусалим не с надеждой, а с дымом.

Иерусалим горел ещё до того, как первый римский легион ступил на его древние камни. Не в буквальном смысле — огонь придёт позже, через четыре года, когда Храм превратится в погребальный костёр для всего народа. Но духовно, фатально — город уже пылал. Иерусалим не просто горел — он задыхался в собственной ярости.

Царица Береника стояла на западной террасе дворца Ирода Великого, там, где белый мрамор еще сохранял ночную прохладу, прежде чем его обожжет беспощадное солнце Востока, и смотрела на улицы, где её мир умирал в конвульсиях безумия. Снизу, из лабиринта узких улиц Нижнего города, долетал гул, похожий на рокот надвигающегося шторма: звон железа о железо, фанатичные крики zelотов и плач, который уже не утихал трети сутки. Рассвет окрашивал небо в кроваво-красные оттенки — цвет, который стал символом этих дней, этих месяцев, этого проклятого года.

С улиц доносился шум — не обычный гул торговли и молитв, который наполнял Священный город столетиями, а что-то другое. Крики zelотов, размахивающих мечами и призывающих к священной войне против Рима. Плач женщин, чьи мужья и сыновья уже взяли оружие. Проклятия жрецов, спорящих о том, правильно ли восставать против язычников, или это богохульство, которое навлечёт божий гнев.

Береника знала ответ. Она всегда знала.

Это не было богохульство. Это было безумие. Это было самоубийство народа.

Но никто не слушал царицу. Даже если бы она спустилась на улицы и кричала до хрипоты — никто не стал бы слушать. Для zelотов она была хуже римлян. Она была предательницей, женщиной, которая спала с врагами народа.

Последнее было неправдой. Пока. Но скоро станет правдой, и Береника знала это с холодной, отчаянной ясностью пророчества.

Ветер приносил запах, который Береника научилась узнавать безошибочно — едкая смесь гари, запекшейся крови и сладковатого, почти тошнотворного аромата ладана, струящегося из Храма. Это был запах конца.

Храм. Великолепное чудо из белого мрамора и золота, возвышающееся над городом как напоминание о том, что когда-то этот народ был велик. Когда-то Соломон правил от Евфрата до Нила. Когда-то Маккавеи побеждали греков и восстанавливали святиню.

Но то было давно. Слишком давно. Теперь Иудея была маленькой, зажатой между Римом и Парфией провинцией, чьё существование зависело исключительно от милости императора. И эта милость была тонкой, как лезвие ножа.

Она почти не спала этой ночью. Опять. Сон стал роскошью, которую она больше не могла себе позволить. Каждый раз, когда она закрывала глаза, видела лица: мёртвых на улицах Нижнего города, раненых, которым она пыталась помочь, детей, плачущих над телами родителей.

И, что ещё хуже, видела будущее. То, что неизбежно придёт, если безумие не будет остановлено.

Легионы. Тысячи легионеров в блестящих доспехах, марширующих строем по этим древним улицам. Осадные башни, подъезжающие к стенам. Тараны, бьющие в ворота день и ночь, пока камни не начнут крошиться. И, наконец, шторм, резня, огонь.

Она видела это раньше. Не здесь, но в других городах. Её отец брал её в поездку в Александрию, когда ей было шестнадцать, и они проезжали через развалины города, который вос-

стал против Рима двадцать лет назад. От него не осталось ничего, кроме почерневших камней и историй о резне.

Рим не прощал мятежей. Никогда.

— Ты долго будешь смотреть на это, сестра? — голос царя Агриппы II прозвучал за ее спиной. Он был сухим и ломким, как старый пергамент, тихий, усталый, полный той же безнадежности, что и сама она чувствовала. Царь Агриппа II, её брат, последний монарх династии, марионетка Рима и заложник судьбы.

— Я смотрю на то, как умирает наше наследство, брат, — ответила она. — Пока мы спорим о налогах и протоколах, эти люди внизу делят пепел.

Голос прервал её размышления. Агриппа вышел на террасу, его шаги были тяжёлыми от усталости. Он вернулся из Кесарии Филипповой только вчера, узнав о происходящем. Поездка была напрасной — он пытался собрать военную поддержку у соседних правителей, но все отказались. Никто не хотел ввязываться в конфликт между Римом и иудейскими zealotами.

Береника не обернулась. Она продолжала смотреть на город, на дым, поднимающийся от костров в нижних кварталах, где zealotы уже сжигали дома тех, кого считали предателями.

Ее профиль, резкий и властный, казался высеченным из темного базальта. На ее шее тяжелое золотое ожерелье со связкой печатей едва заметно вздрагивало в такт дыханию.

— Брат, — сказала Береника, не оборачиваясь. — Ты выглядишь ужасно.

— Чувствую себя хуже. — Агриппа подошёл к парапету, встал рядом с ней. В свете раннего утра его лицо выглядело ещё более измождённым — глубокие тени под глазами, новые морщины на лбу, седые пряди в тёмных волосах. — Я только что из Синедриона²¹. Или того, что от него осталось.

Синедрион — верховный совет иудейской нации, состоящий из семидесяти одного члена, священников и старейшин — должен был быть голосом разума в кризисе. Но даже он был расколот. Консервативные саддукеи²² хотели мира с Римом. Религиозные фарисеи²³ колебались. А zealotы и их сторонники требовали тотальной войны.

— Что они решили?

— Ничего, — ответил Агриппа горько. — Они не могут договориться даже о том, какое сегодня число. Старший первосвященник Ханан пытается успокоить ситуацию, но младшие священники его игнорируют. Элезар бен Ханания объявил, что возглавляет "истинное священство" и что все, кто сотрудничает с Римом — предатели, которые должны умереть.

— Включая нас?

— Особенно нас. — Агриппа достал из складок туники помятый папирус. — Это было прибито к двери Храма вчера.

Береника развернула его. Почерк был грубым, но послание ясным:

"Агриппа и его блудница-сестра продали народ Израиля римлянам. Они не достойны носить корону Давида. Они должны быть изгнаны как отверженные, или убиты как предатели. Так говорит Господь через Его преданных слуг".

Береника читала медленно, её лицо оставалось неподвижным, но пальцы, держащие пергамент, слегка дрожали.

²¹ **Синедрион** (греч. *synedrion* — «совместное заседание», «совет») — высший религиозный, законодательный и судебный орган древней Иудеи. Он был духовным центром еврейского народа и высшей инстанцией в толковании Торы.

²² **Саддукеи** (от ивр. *цдуким*) — влиятельная религиозно-политическая группировка в Иудее эпохи Второго храма (примерно со II века до н. э. по 70 год н. э.), представлявшая интересы высшего священства, аристократии и богатых землевладельцев. Саддукеи занимали консервативные позиции в религии, но были открыты к эллинистической культуре и сотрудничеству с римскими властями.

²³ **Фарисеи** (от евр. *перушим* — «отделившиеся») — самая влиятельная религиозно-общественная группа в Иудее периода Второго Храма. В отличие от аристократов-саддукеев, они были «партией народа» и заложили фундамент современного иудаизма. Они считали, что наряду с писаной Торой Моисей получил от Бога **Устное Предание**, которое объясняет и дополняет законы. Это главное отличие фарисеев.

— Блудница, — повторила она спокойно. — Интересно. Я была замужем три раза — все законные браки. Я была верна каждому мужу, пока он был жив. Но для них это не имеет значения. Я женщина с властью. Этого достаточно, чтобы быть блудницей в их глазах.

Агриппа взял пергамент обратно, смял его и бросил через парапет.

— Я хочу найти тех, кто написал это, и...

— И что? — перебила Береника. — Казнить их? Это только сделает их мучениками. Игнорировать? Это показывает слабость. — Она покачала головой. — Нет, брат. Мы уже проиграли битву за общественное мнение. Зелоты контролируют улицы. Они контролируют события и даже историю. Всё, что мы говорим, будет истолковано как трусость или предательство.

— Тогда что нам делать?

Береника повернулась к нему, и в её глазах было решение, которое он видел раньше. Обычно прежде, чем она делала что-то опасное и необратимое.

— Мы делаем то, что должны. Не то, что популярно. Не то, что безопасно. Но то, что даст нам и нашему народу шанс на выживание.

— Ты всё ещё думаешь о переговорах с римлянами.

— Не думаю. Я решила. — Её голос был твёрдым. — Римская армия придёт. Это неизбежно. Единственный вопрос — сколько людей умрёт прежде, чем зелоты поймут, что они проиграли. И если мы можем сократить это число, даже немного, мы должны попытаться.

Агриппа молчал долго, борясь между своим инстинктом, который говорил, что сестра права, и своим страхом, что то, что она планировала, приведёт к уничтожению их обоих.

Наконец он сказал:

— Если ты делаешь это, ты должна знать: пути назад не будет. Они никогда не простят. Даже если ты спасёшь тысячи жизней, они будут помнить только предательство.

— Я знаю. — Береника посмотрела на город, на дым, поднимающийся от десятков пожаров. — Но репутация — это только слова. Жизни — реальны. Я выбираю жизни.

— Даже если эти жизни будут проклинать твоё имя?

— Даже тогда.

Агриппа подошел ближе, его шаги эхом отдавались в пустоте огромного зала, украшенного фресками в римском стиле — ироничное напоминание об их зависимости. Он выглядел старше своих лет: глубокие тени под глазами, дрожащие пальцы, судорожно сжимающие край расшитого пурпуром плаща.

— Брат, — спросила она. — Ты пришёл сказать мне то, что я уже знаю?

— Восстание началось, — сказал Агриппа, подходя к ней.

— Я знаю.

— Легаты требуют встречи с нами. Они напуганы, Береника. Они видят, что когорты не справляются. Они хотят знать, предоставим ли мы своих людей или откроем ворота дворца для их защиты. Они хотят знать, на чьей мы стороне.

Царица медленно повернулась к нему. Ее темные глаза, глубокие, как колодцы Силоамской купели²⁴, смотрели на брата с болезненной пронизательностью.

— На чьей стороне? — Береника повторила это медленно, смакуя горечь каждого слога. Она наконец обернулась к брату, и он отшатнулся от того, что увидел в её глазах. Не гнев. Не страх. Что-то хуже. Абсолютное, леденящее безразличие. — Мы всегда были на стороне выживших, Агриппа. Но сейчас... сейчас мы на стороне мертвых. Мы — призраки династии, которая правила по милости чужих мечей. И когда мечи начинают рубить без разбора, призраки исчезают первыми.

²⁴ Силоамская купель (ивр. חוּלִישָׁה הַכִּיּוּר, *Брихат ха-Шилоах*) — это древний каменный резервуар в южной части Города Давида в Иерусалиме, который на протяжении веков служил главным источником воды и местом ритуального омовения.

Агриппа попытался возразить, но слова застряли в горле. Потому что она была права. Они оба знали это. Их династия была мертва уже давно — мертва в тот момент, когда их прадед, Ирод Великий, пригласил римские легионы в Иудею. Мертва, когда их дед был свергнут и изгнан. Мертва, когда их отец, Агриппа I, умер, пораженный болезнью, которую народ считал божьей карой за угождение Риму.

Они были призраками, носящими короны. Цари без власти. Правители без царства.

— Зелоты называют нас предателями, — сказал Агриппа тихо. — Они угрожают убить нас, если мы не присоединимся к восстанию.

— А римляне убьют нас, если мы присоединимся, — ответила Береника. — Видишь? Мы в идеальном положении. Все хотят нашей смерти. Вопрос только в том, кто доберётся первым.

Она усмехнулась — звук без радости, без надежды, звук женщины, которая давно научилась смеяться над собственным проклятием.

— Зелоты проклинаят наше имя в каждой синагоге, — Агриппа нервно зашагал по террасе. — Они называют нас «римскими псами». А Рим... Рим смотрит на нас как на варваров, которых временно нарядили в тоги. Если Иерусалим падет, мы станем пылью под калигами их легионов.

Береника подошла к парапету и указала на горизонт, где на севере поднимались столбы пыли.

— Иерусалим не просто падет. Он будет стерт. Я видела донесения, Агриппа. Царь Антиох IV Коммагенский уже ведет свои войска на помощь Веспасиану. Наш старый друг Антиох знает, куда дует ветер. Он не ждет, когда огонь лизнет его трон, он сам несет факел, чтобы выслужиться перед новыми хозяевами мира.

Агриппа обхватил голову руками. В тридцать шесть лет он выглядел на пятьдесят — седые волосы, изможденное лицо, руки, которые дрожали, когда он думал, что никто не видит.

— Что нам делать, Береника? — спросил он, и в его голосе была не просьба о совете, а мольба о спасении. — Ты всегда знала. Ты всегда была сильнее меня. Умнее. Скажи мне, что делать.

Береника смотрела на своего брата долго. Она любила его — той странной, болезненной любовью, которая рождается, когда двое людей проходят через ад вместе. Они были близки, слишком близко, по слухам, хотя это была ложь, порожденная завистью и ненавистью их врагов.

Но она не могла его спасти. Она едва могла спасти себя.

Она сделала паузу, ее пальцы коснулись диадемы на лбу — короны, которая с каждым часом становилась всё тяжелее.

— Ты должен организовать встречу, — приказала она, и в её голосе прозвучала сталь. — Немедленно.

— С прокуратором Флором? Он безумец, его жадность и разожгла этот пожар!

— Нет, — Береника посмотрела брату прямо в глаза, и в этом взгляде была сталь, которой ему так не хватало. — Флор — это прошлое. Нам нужно будущее. Организуй встречу с Веспасианом или с его сыном, легатом Титом.

Агриппа замер, его глаза расширились от изумления.

— С сыном Веспасиана? Он еще молод, его легионы только высаживаются. К тому же, он римлянин до мозга костей, воспитанный при дворе императора Клавдия. Что ты можешь предложить ему, кроме просьбы о пощаде?

— Я слышала о нём. Говорят, он не просто воин. Говорят, он умён. Образован. Человек, с которым можно говорить.

— А если он откажет?

— Я предложу ему ключ к Иерусалиму, — ответила Береника. — Я знаю каждый камень в этом городе. Я знаю, как думают первосвященники и чего боятся фанатики. Я предложу ему

победу без долгой осады. А себе... себе я заберу право на жизнь среди руин. Я хочу предложить им наше выживание в обмен на нашу помощь. Это единственное, что у нас есть, брат. Единственное, что они могут захотеть от нас. Мы знаем этот город. Мы знаем его вождей, его укрепления, его слабости. Мы можем дать Риму победу быстрее и дешевле, чем годы осады.

— Ты говоришь о предательстве.

— Я говорю о выживании, — ответила Береника холодно. — Предательство — это когда ты изменяешь тому, кому верен. Я не верна zelотам, которые называют меня блудницей. Я не верна жрецам, которые хотят моей крови за то, что я женщина у власти. Я не верна этому народу, который плюёт мне в лицо каждый раз, когда я пытаюсь помочь им.

Её голос повысился, впервые за разговор в нём прорвалась эмоция — не гнев, а боль, глубокая и древняя.

— Я была замужем три раза, брат. Три раза меня выдавали за мужчин, которых я не выбирала, ради политических альянсов, которые не принесли ничего, кроме унижения. Мой первый муж умер, когда мне было тринадцать. Второй использовал меня как инкубатор для наследников, которых я не смогла родить. Третий был так стар, что умер через два года. — Она сделала шаг к Агриппе, и он увидел слёзы в её глазах, первые слёзы за много месяцев. — Я отдала этому народу всё. Мою юность. Мою красоту. Мою душу. И что я получила взамен? Презрение. Обвинения в разврате. Угрозы смерти.

Она вытерла слёзы резким движением.

— Так что не говори мне о предательстве, брат. Я не могу предать то, чему никогда не принадлежала.

Агриппа молчал. Что он мог сказать? Она была права. Она всегда была права.

Береника резко подошла к нему, обдав запахом дорогих благовоний и холодной решимости.

— Мой народ — это ты и я. Это остатки нашей крови. Всё остальное — это толпа, которая разорвет нас на части, если мы дадим им шанс. Ты хочешь умереть с молитвой на устах в горящем Храме? Пожалуйста. А я предпочитаю жить в Риме, пусть даже в золотой клетке.

Она снова повернулась к панораме города. Солнце теперь стояло высоко, заливая Иерусалим ослепительным, беспощадным светом. Золотой купол Храма сиял так ярко, что на него больно было смотреть.

— Рим непобедим, — произнесла она тихо, словно завершая давний спор с самой собой, — Не потому, что у них больше солдат или лучше сталь. А потому, что Рим — это порядок, сменяющий хаос. Он неизбежен, как старость. Как смерть. И если мы не можем его победить, мы должны стать его частью.

— А если Веспасиан или легат Тит не захотят слушать? — спросил Агриппа, уже сдаваясь под напором ее воли.

— Мужчины всегда слушают, когда им предлагают власть, — Береника коснулась своих губ, на которых застыла циничная улыбка. — И когда им предлагают красоту, которая эту власть освящает. Иди. Отправь гонца.

— А если он откажется?

— Он не откажется, — ответила Береника с странной уверенностью. — Потому что я предложу ему то, от чего римский полководец не может отказаться.

— Что именно?

Береника повернулась обратно к панораме города. Солнце поднялось выше, заливая Иерусалим жестоким светом нового дня.

— Победу, — сказала она. — И себя.

Когда брат ушел, Береника осталась одна. Она смотрела на свои руки — изящные, украшенные кольцами с печатями, которые когда-то ставили на указы о жизни и смерти. Теперь эти печати ничего не стоили.

Она вспомнила царя Антиоха Коммагенского. Его письма, полные осторожных предупреждений. Его верность, которая всегда казалась ей немного старомодной и наивной. Антиох умел хранить традиции, но она... она умела выживать.

— Легат Тит, — прошептала она в раскаленный воздух. — Твой отец хочет империи. Ты хочешь славы. А я хочу всего лишь не превратиться в пепел. Посмотрим, какую цену ты назначишь за союз с царицей, у которой осталась лишь корона из осколков.

Внизу, на улицах, взметнулся новый столб дыма. Храм все еще стоял, величественный и непоколебимый в своем золотом убранстве. Но Береника уже видела на его стенах невидимые тени римских орлов. Она закрыла глаза, и на мгновение ей показалось, что она слышит не крики толпы, а мерный, неумолимый шаг легионов, идущих по ее душе.

Глава 6

Два часа спустя

Зал совета во дворце Ирода был построен для украшения.

Высокие потолки, поддерживаемые колоннами из египетского порфира. Стены, облицованные полированным базальтом, отражали свет факелов, создавая иллюзию бесконечного пространства. Пол, мозаика из тысяч крошечных камней, изображающая сцены из истории Израиля: Давид убивает Голиафа, Соломон судит между двумя матерями, Маккавеи побеждают греков.

Через два часа после разговора Береники с Агриппой царский дворец наполнился головами. Агриппа созвал экстренный совет — не официальный, потому что официально у них не было власти созывать что-либо, но достаточно важный, чтобы привлечь всех, кто ещё оставался на их стороне.

Их было немного. Слишком немного...

И здесь была Береника.

Она вошла последней, когда все уже собрались и спорили. Это был старый трюк, который она выучила от своего деда через истории: правитель, который входит последним, устанавливает, что встреча не может начаться без него. Что он — центр, вокруг которого всё вращается.

Конечно, в её случае это была иллюзия. Она не имела реальной власти. Но иногда иллюзия власти бывает достаточной.

Береника окинула взглядом собравшихся. Их было около двадцати — остатки про-римской фракции в иудейском обществе, остатки иродианской аристократии, чьи состояния, титулы и жизни зависели от мира с империей, от благосклонности Рима.

Здесь был Иосиф бен Маттафия, которого она встречала в Кесарии, аристократ, пытавшийся предотвратить восстание и потерпевший неудачу. Молодой священник сидел прямо, его умные глаза наблюдали всё. Рядом с ним — старый Ханан бен Ханан, бывший первосвященник, человек семидесяти лет, чей авторитет когда-то был абсолютным, но теперь рушился вместе с храмовой иерархией. Здесь были богатые торговцы, чьи караваны уже жгли злоты: Элеазар бен Гарис, чьи караваны курсировали от Александрии до Вавилона, Симон бен Гамалиэль, владевший половиной складов в Нижнем городе, Матфей Левит, чье богатство от сбора налогов сделало его одним из самых ненавидимых людей в Иерусалиме.

Офицеры храмовой стражи, которые понимали, что против римских легионов у них нет шансов: Иисус бен Сапфат, командир, чья работа была поддерживать порядок в храмовом комплексе, несколько его подчинённых, все в церемониальных доспехах, которые выглядели величественно, но были бесполезны против римских гладиусов.

И аристократы — остатки старых семей, которые когда-то правили Иудеей, теперь сокращённые до церемониальных ролей. Они сидели на дальнем конце стола, одетые в дорогие туники, украшенные драгоценностями, которые больше не означали власти, только прошлое величие.

Споры стихли мгновенно. Все повернулись к ней — некоторые с уважением, некоторые с вожделием, некоторые с плохо скрытым презрением. Некоторые встали в знак уважения. Другие остались сидеть — маленький акт неповиновения, который не остался незамеченным.

Береника проигнорировала взгляды. Она прошла к центру зала, где Агриппа уже сидел в резном кресле — жалкая пародия на трон. Он выглядел маленьким в нём, уменьшенным — не физически, но метафорически. Царь без царства. Правитель без власти. Она встала позади брата, немного в стороне. Позиция была выбрана тщательно — достаточно близко, чтобы показать единство, достаточно далеко, чтобы не подразумевать равенство. Агриппа был царём. Она была только... что? Советницей? Сестрой? Женщиной, которая осмелилась иметь мнения? Стоя, она выглядела более властно, чем её брат сидя.

— Господа, — начал Агриппа, и его голос дрожал, — мы собрались, чтобы обсудить...

— Мы собрались, чтобы признать очевидное, — перебила его Береника, и все замолчали. Её голос был ровным, но властным. Голосом женщины, привыкшей командовать, — Иудея на грани катастрофы. Восстание, которого мы все боялись, которое мы все пытались предотвратить, началось. Зелоты контролируют улицы. Они убили римских солдат. Они разрушили дома тех, кого считают предателями. Они призывают к священной войне против самой могущественной империи в истории мира.

— И они безумны, — добавил Ханан бен Ханан, его старый голос дрожал от гнева. — Абсолютно, непростительно безумны.

Несколько голов кивнули в согласии. Но не все. Береника заметила, что некоторые, особенно младшие, смотрели неуверенно. Притяжение фанатизма, религиозного пыла было сильным даже среди тех, кто должен был знать лучше многих.

— Безумие или храбрость — это вопрос перспективы, — сказал один из младших священников, Захария бен Амфикалл. Ему было около тридцати, красивый, харизматичный, с горящими глазами фанатика. — Может быть, истинное безумие — это принять рабство без борьбы. Может быть, истинная храбрость — это восстать, даже зная, что можем проиграть.

— Поэтическая чушь, — отрезала Береника холодно. — Ты говоришь о храбрости, сидя в безопасном дворце. Спроси матерей в Нижнем городе, хоронящих своих сыновей, о храбрости. Спроси детей, которые стали сиротами за одну ночь. Восстание провалится. Рим победит. Единственный вопрос — выживем ли мы, когда это случится.

Захария побледнел, но не отступил.

— Царица Береника, с уважением, ты женщина. Ты не можешь понимать то, что мужчины чувствуют о чести, о долге перед Богом...

Тишина, последовавшая за этими словами, была абсолютной.

Береника повернулась к нему медленно. Её глаза — тёмные, почти чёрные в свете факелов, — прикованы к его лицу с силой, которая заставила молодого священника отступить на шаг.

— Ты прав, — сказала она тихо, опасно тихо. — Я женщина. Я не могу понимать мужскую одержимость честью, которая ценится выше жизни. Я не могу понимать, как убийство тысяч невинных людей может быть названо священной миссией. — Она шагнула вперёд. — Но я могу понимать математику. Римская империя имеет тридцать легионов. Каждый легион — пять тысяч человек. Это сто пятьдесят тысяч профессиональных солдат, не считая вспомогательных войск. Они завоевали Галлию, Британию, Египет, Грецию. Они уничтожили Карфаген полностью, так, что на его месте не растёт даже трава.

Она обвела взглядом зал.

— И вы думаете — вы действительно, искренне думаете — что несколько тысяч плохо вооружённых, необученных одержимых могут победить это? Что Бог пошлёт ангелов, чтобы бороться за нас? — Её голос повысился. — Бог не спас нас от вавилонян. Не спас от персов. Не спас от греков. Почему Он должен спасти нас от римлян?

— Это богохульство! — взорвался Захария.

— Это правда, — ответила Береника. — Горькая, ужасная правда, которую вы отказываетесь видеть, потому что предпочитаете красивую ложь о героической смерти.

Несколько человек заговорили одновременно. Иосиф бен Маттафия поднял руку, прося слова.

— Царица, — сказал он осторожно, — с уважением, мы ещё не знаем, чем закончится восстание. Возможно...

— Возможно что? — Береника повернулась к нему, и он замолчал под её взглядом. — Возможно, зелоты с их ржавыми мечами и религиозным фанатизмом победят римские легионы? Возможно, Нерон просто забудет про Иудею и оставит нас в покое? — Она усмехнулась. — Священник, ты умный человек. Не оскорбляй свой интеллект такими иллюзиями.

Иосиф покраснел, но не возразил. Он знал, что она права.

— Рим непобедим, — продолжила Береника, обращаясь ко всем. — Не потому, что римляне сильнее нас. Не потому, что их больше. А потому, что они — неизбежны. Как смерть. Как время. Они приходят, они завоёвывают, они остаются. Так было с Карфагеном. Так было с Грецией. Так было с Галлией. И так будет с нами.

Агриппа наконец вмешался, его голос был слабым по сравнению с её страстью, но всё же авторитетным.

— Достаточно. — Он встал, опираясь на стол. — Мы не собрались здесь, чтобы спорить о богословии или храбрости. Мы здесь, чтобы решить практический вопрос: что мы делаем сейчас, когда восстание началось?

— Я думаю, царица уже решила, — сказал Иосиф бен Маттафия. Он говорил впервые, его голос был нейтральным, аналитическим. — Она хочет, чтобы мы связались с римлянами. Предложили им союз против зелотов.

Все глаза повернулись обратно к Беренике.

Старый Ханан бен Ханан встал, опираясь на посох.

— Царица, — его голос был слаб от возраста, — даже если ты права... что ты предлагаешь? Сдаться? Открыть ворота римлянам и надеяться на милость?

— Не сдаться, — ответила Береника. — Предложить союз. Помощь в обмен на защиту. Мы знаем этот город лучше, чем кто-либо. Мы знаем, где зелоты прячут оружие. Мы знаем, кто их вожди. Мы знаем слабые места в обороне. Эта информация стоит нашего выживания. Это единственный путь вперёд, который не заканчивается полным уничтожением.

— Это предательство! — взорвался один из младших священников. — Ты говоришь о том, чтобы помочь язычникам убить наш народ!

Береника повернулась к нему медленно. Её взгляд был холоден, как зимний ветер с Хермона.

— Наш народ? — повторила она тихо. — Какой народ? Тот, который призывает к моей смерти за то, что я женщина у власти? Тот, который называет меня блудницей, потому что я осмелилась руководить в отсутствие мужа? Тот, который отказывается слушать разум и предпочитает умереть в героическом безумии? — Она шагнула к священнику, и он отступил. — Это больше не мой народ.

Воцарилась тяжёлая тишина. Даже те, кто соглашался с ней, были шокированы откровенностью её слов.

Агриппа попытался вмешаться.

— Сестра, возможно, это слишком...

— Это не слишком, — перебила его Береника. — Это правда. И все здесь это знают, просто боятся сказать вслух. — Она обвела взглядом зал. — Господа, у вас есть выбор. Вы можете присоединиться к зелотам и умереть на стенах Иерусалима, когда римляне придут. Или

вы можете помочь мне договориться с Римом и, возможно, выжить. Возможно, даже сохранить какую-то власть, какое-то влияние в новом порядке, который установится после победы.

— А если Рим откажется от переговоров? — спросил один из торговцев. — Если они просто раздавят нас всех?

— Тогда мы умрём, — ответила Береника просто. — Но, по крайней мере, мы попытаемся. Это больше, чем делают зелоты, которые ведут нас к самоубийству без всякого плана.

Она подошла к окну, откуда был виден город, и все невольно последовали за её взглядом.

— Посмотрите туда, — сказала она тихо. — Это наше будущее, если мы ничего не сделаем. Огонь. Кровь. Разрушение. Храм в пепле. Наш народ рассеян по всему миру. Конец. Абсолютный конец.

Она повернулась обратно к ним, и в её глазах было что-то, что заставило даже её противников замолчать.

— Я не позволю этому случиться. Не без борьбы. Не без попытки спасти хотя бы что-то. — Её голос стал тверже. — Мой брат отправит послание римскому командующему. Мы запросим встречу. Мы предложим наши услуги. И молимся, чтобы они были достаточно умны принять их.

— А если они используют нас и выбросят, когда победят? — спросил кто-то.

Береника улыбнулась — печально, горько.

— Тогда, по крайней мере, мы будем выброшены живыми. А это больше, чем можно сказать о тех, кто остается на стенах.

Взрыв голосов. Половина зала заговорила одновременно — некоторые в поддержку, большинство в возмущении.

— Предательство! — Сотрудничество с врагом! — Как ты смеешь! — Это единственный разумный выбор! — Мы все умрём, если не сделаем это! — Лучше умереть свободными, чем жить рабами!

Агриппа стучал кулаком по столу, пытаясь восстановить порядок. Бесплезно. Хаос рос.

Береника не пыталась их остановить. Она стояла неподвижно, позволяя буре ярости разбиться об неё, её лицо было маской спокойствия, которую она носила всю жизнь. Маска, которая скрывала страх, сомнение, боль.

Наконец, когда крики начали стихать от истощения, она заговорила снова.

— Закончили?

Несколько человек, воспитанных прилично, выглядели пристыженными.

— Хорошо. Тогда послушайте меня внимательно, потому что я скажу это только раз. — Она обвела взглядом каждое лицо. — Я не предатель. Я не римский пособник. Я не делаю это ради власти, денег или личной выгоды. Я делаю это, потому что я люблю мой народ больше, чем люблю мою репутацию.

Она подошла к окну, открывающему вид на город.

— Посмотрите туда. Видите дым? Это наши дома горят. Слышите крики? Это наши дети плачут. Чувствуете запах? Это наши мёртвые, гниющие на улицах, потому что зелоты запрещают кому-либо хоронить их, говоря, что предатели не заслуживают погребения.

Она повернулась обратно.

— И вы говорите мне о предательстве? Настоящее предательство — это вести наш народ к самоубийству ради надуманных химер чести и свободы. Настоящее предательство — это позволить нашим детям умереть за вашу гордость.

Тишина упала на зал.

Старый Ханан встал медленно, опираясь на посох.

— Царица Береника, — сказал он, и в его голосе была печаль веков, — я понимаю твою логику. Я даже согласен с большей частью её. Но и ты должна понимать: то, что ты предлагаешь, изменит всё. Если мы официально встанем на сторону Рима против нашего народа — даже

если этот народ безумен — мы станем примером предательства на века. Наши имена будут прокляты. Наши потомки будут стыдиться нас.

— Я знаю, — ответила Береника просто. — И я принимаю это.

— Но почему? — спросил Иосиф, наклоняясь вперёд. — Ты молода ещё...

— Мне тридцать восемь лет, — прервала она. — Я пережила трёх мужей. Я видела слишком много смертей. Я устала от смерти.

Она подошла обратно к столу, положила обе руки на его поверхность, наклонившись вперёд.

— Слушайте меня все. У вас есть выбор. Вы можете присоединиться ко мне в попытке спасти то, что можно спасти. Или вы можете присоединиться к зелотам в их героическом марше к уничтожению. Но если вы выбираете второе, по крайней мере, имейте честность признать: вы выбираете смерть, а не жизнь, гордость, а не выживание, иллюзию чести против реальности того, что ваши семьи будут мертвы или порабощены.

Никто не говорил. Вес её слов давил на комнату, как физическая сила.

Наконец Матфей Левит, богатый сборщик налогов, который молчал до сих пор, встал.

— Я с царицей, — сказал он. Его голос был тихим, но твёрдым. — Не потому что я трус. Не потому что люблю Рим. Но потому что у меня есть три дочери и два сына. И я хочу, чтобы они жили, чтобы видеть старость, чтобы иметь детей. Если это делает меня предателем, пусть будет так.

Один за другим, другие начали говорить. Не все. Захария и несколько младших священников вышли из зала в знак протеста. Два торговца последовали за ними.

Но большинство остались. Из двадцати, начавших, пятнадцать остались сидеть за столом, когда дверь закрылась за ушедшими.

Пятнадцать человек. Против тысяч зелотов. Против всей силы религиозного фанатизма.

Это была жалкая армия.

Но это было начало.

Голосование было не нужно. Все понимали, что выбора нет. Совет разошёлся в напряжённой тишине.

Береника осталась стоять у окна, глядя на Иерусалим.

Иосиф бен Маттафия подошёл к ней осторожно.

— Царица, — сказал он тихо, — могу я говорить откровенно?

— Говори.

— Ты принимаешь огромный риск. Если зелоты узнают...

— Они убьют меня, — закончила за него Береника. — Я знаю. Но они всё равно хотят меня убить. Так почему бы не умереть, пытаясь что-то изменить?

Иосиф колебался, потом сказал то, что его мучило:

— Ты действительно веришь, что Рим может быть союзником? Или ты просто... ищешь способ выжить?

Береника повернулась к нему. Посмотрела долго. Потом улыбнулась — не горько, не цинично, а с какой-то странной, почти нежной печалью.

— Я ищу способ выжить, Иосиф. Всегда искала. Всю свою жизнь. — Она отвернулась обратно к окну. — Но, возможно... возможно, на этот раз я ищу что-то большее.

— Что именно?

— Цель, — прошептала она так тихо, что он едва расслышал. — Причину продолжать дышать.

Иосиф не знал, что ответить. Он поклонился и ушёл, оставив царицу одну с её мыслями и её судьбой.

А Береника стояла и смотрела на город, который когда-то был её домом, и думала о том, что скоро всё изменится.

Скоро придёт римский полководец.

Скоро она встретит человека, который станет её проклятием и её спасением.

Скоро начнётся история, которую ещё никто не знает, но которую все будут помнить.

История любви между императором и царицей.

История, которая изменит судьбы.

История, которая закончится трагедией.

Но это будет потом.

Сейчас была только надежда — тонкая, как паутина, хрупкая, как утренний лёд, но всё же надежда.

И Береника цеплялась за неё с отчаянием утопающего, хватающегося за последнюю соломинку.

Глава 7

Следующие три часа прошли в интенсивном планировании.

Береника взяла на себя руководство. Частично потому, что Агриппа позволил ей, частично потому, что никто другой не хотел нести ответственность за то, что они задумывали.

Первый вопрос: как контактировать с римлянами?

— Прокуратор Флор в Кесарии, — сказал Иосиф. — Но он... проблематичен.

— Проблематичен — мягко сказано, — фыркнул Элеазар бен Гарис. — Флор — причина, почему мы в этом беспорядке. Его жадность и жестокость довели ситуацию до точки кипения. Если мы идём к нему, он либо попытается вымогать у нас больше денег, либо использует нашу отчаянность против нас.

— Тогда мы идём выше него, — сказала Береника. — Легат пропретор Сирии Цестий Галл. У него есть легионы, власть, и предположительно больше ума, чем у Флора.

— Галл в Антиохии, — заметил Агриппа. — Это две недели пути. К тому времени Иерусалим может быть полностью в руках zelотов.

— Тогда мы отправляем гонца немедленно. — Береника повернулась к командиру храмовой стражи. — Иисус бен Сапфат, у тебя есть человек, которому можешь доверить такую миссию? Кто-то быстрый, умеющий хранить тайну, способный пройти через враждебную территорию?

Иисус подумал момент, потом кивнул.

— Да. Молодой офицер, Иоанн бен Леви. Отличный всадник, говорит на нескольких языках, знает все дороги округа. Если кто-то может добраться до Антиохии живым, это он.

— Хорошо. Подготовь его. Он уедет до рассвета завтра.

— Что он скажет Галлу? — спросил Ханан. — Какое послание мы отправляем?

Это был критический вопрос. Послание должно было быть достаточно привлекательным, чтобы заинтересовать римлян, но не настолько раболепным, чтобы они думали, что могут игнорировать любые условия.

Береника диктовала, пока писец записывал на восковой табличке:

"Легату пропретору Сирии Цестию Галлу, от царя Агриппы II и царицы Береники, правителей Халкиды.

Мятеж, вспыхнувший в Иерусалиме, не представляет волю всего иудейского народа. Многие из нас видят безумие в противостоянии Риму и желают мира.

Мы предлагаем наши услуги в подавлении мятежа. Мы знаем город, его защитников, их слабости. Мы можем предоставить информацию, которая сократит продолжительность конфликта и сохранит жизни с обеих сторон.

В обмен мы просим только гарантии безопасности для нас и наших сторонников, и обещание, что мирные жители, не участвующие в мятеже, будут пощажены, где возможно.

Мы готовы встретиться в любом месте, которое вы сочтёте безопасным, чтобы обсудить детали.

Срочность очень велика. Каждый день задержки приносит больше смертей и делает ситуацию более нестабильной.

С уважением к силе и мудрости Рима, Агриппа, царь Халкиды, Береника, царица"

Когда писец закончил, Береника просмотрела текст.

— Это звучит слишком отчаянно? — спросила она Иосифа, который имел репутацию искусного дипломата.

Иосиф перечитал медленно.

— Нет. Это звучит честно. Что, в данных обстоятельствах, может быть более эффективно, чем ложная бравада. — Он сделал паузу. — Хотя одна вещь беспокоит меня. Ты пишешь "мы просим только гарантии безопасности". Но ты знаешь, что римляне могут дать обещание, а затем нарушить его, как только получают то, что хотят.

— Конечно, знаю, — ответила Береника. — Но у нас нет выбора, кроме как рискнуть. Альтернатива — определённая гибель. По крайней мере, это даёт нам шанс.

Послание было запечатано царской печатью и передано Иоанну бен Леви, который получил инструкции двигаться через малонаселённые районы, избегать zelотских патрулей, и доставить послание любой ценой.

Молодой офицер уехал через два часа, в темноте, когда большинство города спало.

Он не вернётся. Через три дня его обезглавленное тело будет найдено на дороге к Кесарии, с запиской, прикреплённой к груди: "Предателям и их слугам".

Но они не знали этого ещё. Пока была только надежда.

Глава 8

Когда совет наконец закончился, после полуночи, Береника была обессилена. Не просто физически, хотя стояние и разговор в течение часов имели свою цену, но эмоционально.

Вес того, что они решили, того, что она начала, давил на неё тяжёлым грузом.

Она вернулась в свои покои, ожидая найти их пустыми. Но её главная служанка, Мариам, ждала, с горячей водой для мытья и лёгким ужином, который Береника не просила, но внезапно отчаянно захотела.

— Спасибо, — сказала Береника тихо, опускаясь на диван.

Мариам, женщина пятидесяти лет, служившая Беренике с тех пор, как царица была девочкой, налила вино и протянула чашу.

— Ты выглядишь ужасно, моя госпожа.

— Чувствую себя хуже. — Береника отпила. Вино было разбавлено водой, как подобало для поздней ночи. — Ты слышала что-нибудь с улиц?

— Слухи везде. Некоторые говорят, что ты собираешься сдать город римлянам. Другие, что ты планируешь бежать. Ещё другие, что ты тайный агент императора. — Мариам села рядом, забывая о протоколе в приватности. — Ты знаешь, что будет, если zelоты узнают, что ты действительно планируешь?

— Они попытаются убить меня. Возможно, преуспеют.

— И ты готова к этому?

Береника долго молчала, глядя в свою чашу.

— Мариам, ты помнишь, когда мне было тринадцать? Когда отец выдал меня за Марка Юлия Александра?

— Конечно. Ты плакала всю ночь перед свадьбой.

— Я была ребёнком. Ребёнком, которого продали за политический союз. И когда Марк умер год спустя, я думала, что буду свободна. Но нет. Отец немедленно организовал второй брак. С моим дядей Иродом, царём Халкиды. Он был вдвое старше меня. — Она отпила вина. — Этот брак длился пять лет. Пять лет, когда я была женой, но не партнёром. Инкубатором для наследников, которых я не могла произвести.

— Моя госпожа...

— Позволь мне закончить. — Береника повернулась к ней. — После развода я думала: наконец-то. Наконец-то я могу жить своей жизнью. Но потом был третий брак. С Полемоном II из Киликии. Я продержалась два года, больше не могла выносить. После его смерти вернулась сюда, в Иерусалим, к брату.

— И люди шептались, что ты и царь Агриппа...

— Я знаю, что они шептались. Инцест. Разврат. Все красочные обвинения. — Береника засмеялась горько. — Как будто они заботятся о правде. Мой брат — единственная семья, которая у меня есть. Единственный человек, который видит меня как человека, а не как политический инструмент.

Она встала, прошла по комнате.

— всю мою жизнь, Мариам, мужчины контролировали меня. Отец решал, за кого я выхожу замуж. Мужья решали, где я живу, что я делаю. Римляне решали, какую власть я могу иметь. Зелоты решают, безопасно ли мне ходить по улицам.

Она остановилась у окна, глядя на тёмный город.

— Но сейчас — впервые в моей жизни — я принимаю решение. Не потому, что кто-то сказал мне. Не потому, что это политически выгодно. Но потому, что я верю, что это правильно. — Она повернулась обратно. — И если это убьёт меня, по крайней мере, я умру, сделав что-то, что имело значение.

Мариам встала, подошла к ней, обняла её, как делала, когда Береника была ребёнком.

— Ты самая храбрая женщина, которую я знаю, — прошептала она.

— Или самая глупая, — ответила Береника. — Время покажет, что из этого.

Они стояли так долго, две женщины в тёмной комнате, держась друг за друга против страха и неопределённости будущего.

Снаружи город спал беспокойным сном, полным кошмаров.

И где-то в темноте молодой гонец мчался к смерти, несущий послание, которое никогда не достигнет места назначения.

Глава 9

К полудню следующего дня зной стал почти осязаемым. Царица Береника спустилась с террасы во внутренний двор, где под сенью кипарисов ждала охрана. Здесь, за толстыми стенами дворца Ирода, звуки города доносились глуше, но напряжение было выше.

У входа в зал приемов стоял высокий человек в запыленных одеждах — Ханан, один из вождей умеренной партии. Его лицо было бледным, а руки заметно дрожали, когда он увидел царицу.

— Они ворвались в Верхний город, — выдохнул он, забыв о поклоне. — Зелоты. Они сжигают архивы, чтобы уничтожить долговые расписки. Они кричат, что Бог на их стороне, и каждый, кто говорит о мире с Римом — предатель.

Береника остановилась, жестом приказав слугам отойти:

— Ханан, ты пришел сюда, чтобы рассказать мне новости, которые я вижу с балкона? — её голос был холодным, как родниковая вода. — Или ты пришел просить защиты, которую мой брат уже не может дать даже себе?

— Я пришел предупредить, — Ханан подошел ближе. — Они знают, что вы ведете переписку с римлянами. Они знают о гонцах. Если толпа ворвется во дворец, они не посмотрят на ваш титул. Для них вы — Клеопатра, предавшая свой народ ради римской постели.

Береника медленно подняла руку и поправила тяжелую серьгу. — Клеопатра была достаточно умна, чтобы выбирать победителей, Ханан. А эти люди внизу выбирают могилу. Ты боишься зелотов? Бойся лучше римских инженеров. Когда они начнут строить насыпи, крики зелотов покажутся тебе детским лепетом.

Она прошла мимо него в прохладу колоннады, оставив Ханана одного. Её мысли уже были далеко — на севере, где в тени гор Ливана собиралась иная сила.

В своих покоях Береника велела служанке принести шкатулку из кедрового дерева. В ней, среди печатей и драгоценностей, лежало письмо, полученное сегодня на рассвете. Оно пахло не Иерусалимской пылью, а соснами Тавра и дорогим ладаном.

«Прекраснейшей из цариц, Беренике... Мои всадники уже в пути. Рим требует верности, и я даю её, как давал всегда. Но мое сердце сжимается при мысли о том, что мои мечи могут встретиться с твоими стенами. Останови это безумие, Береника. Рим — это не просто армия, это стихия. Не пытайся укротить бурю, найди в ней убежище. Твой верный друг, Антиох IV, царь Коммагенский».

Береника провела пальцами по пергаменту. Царь Антиох... Он всегда был слишком осторожен, слишком предан призракам прошлого. Он любил её — она знала это десятилетиями, по его взглядам на пирах, по его маленьким подаркам, по этой вечной, почти собачьей преданности. Но он был царем исчезающего мира. Его маленькое царство Коммагена было лишь декорацией на великой сцене империи.

— Ты слишком добр, Антиох, — прошептала она. — Но доброта — это роскошь, которую Иерусалим больше не может себе позволить.

Вечером того же дня дворец содрогнулся. Огромный камень, пущенный из пращи кем-то из толпы, разбился о мраморный карниз прямо над окнами царицы. Дворец становился ловушкой, которую пока еще защищали верные им наемники.

Береника не вздрогнула. Она сидела у зеркала, пока служанки вплетали золотые нити в её волосы.

— Госпожа, — прошептала служанка, — почему мы не уходим сейчас?

— Потому что царица не бежит в сумерках, как вор, — ответила Береника, глядя на свое отражение. — И мы пойдем не прочь от войны, а навстречу ей.

Она снова повернулась к панораме Иерусалима. Город лежал перед ней как жертва на алтаре, украшенная золотом Храма и обреченная на заклятие. Она видела то, чего не видел никто: будущее уже написано кровью на песке.

— Рим непобедим, — произнесла она тихо, словно молитву. — Не потому, что он сильнее. А потому, что он — неизбежен. Как смерть. Как время.

Где-то вдаль, за долиной Кедрон²⁵, протрубил рог. Это не был голос Иудеи. Это был чистый, холодный звук римской букцины²⁶. Легионы были близко. А она, царица с короной из осколков, готовилась встретить своего завоевателя.

Не как жертва. Как равная.

Глава 10

Пять дней спустя

Весть о смерти Иоанна бен Леви достигла дворца на рассвете пятого дня.

Береника не спала — опять — когда стража принесла известие. Она стояла на той же террасе, глядя на город, окутанный утренним туманом. В её руках была чаша с остывшим напитком из трав, который она больше не пила, просто держала, потому что нужно было что-то держать.

Командир стражи, Иисус бен Сапфат, поднялся на террасу тяжёлыми шагами. Его лицо говорило всё, что нужно было знать, ещё до того, как он заговорил.

²⁵ **Кедрон** (или Кидрон) — глубокая долина и пересыхающий поток в Иерусалиме, отделяющие Старый город и Храмовую гору от Елеонской (Масличной) горы. Это место имеет колоссальное значение для трех мировых религий: иудаизма, христианства и ислама

²⁶ **Букцина** (лат. *buccina* или *bucina*) — древнеримский медный духовой инструмент, имеющий форму сильно изогнутого рога или латинской буквы «С».

— Царица, — начал он, и его голос был хриплым. — Иоанн... его нашли. На дороге в Самарию. Засада zelотов.

Береника закрыла глаза. Ещё одна смерть. Ещё один молодой человек, убитый за её решение.

— Он страдал?

— Смерть была быстрой. Это... единственная милость.

Она кивнула медленно, открывая глаза.

— Его семья?

— Родители живы. Молодая жена, беременная.

— Обеспечь их. Из моей личной казны. Деньги, дом, всё, что им нужно. И скажи им...

— Её голос дрогнул впервые. — Скажи им, что их сын умер, пытаясь спасти многих. Это не утешит их. Но это правда.

Иисус поклонился и начал уходить, но Береника остановила его.

— Подожди. Нам нужен другой гонец.

Командир обернулся, шокированный.

— Царица, после того, что случилось с Иоанном, я не могу просить кого-то другого...

— Ты не просишь. Я прикажу. — Её голос стал твёрдым, приказывающим. — Послание должно достичь римлян. Если не Цестий Галл в Антиохии, тогда кто-то ближе. Легионы должны быть где-то. Легаты, центурионы, кто-то, кто может слышать нас.

— Но zelоты теперь контролируют все дороги из города. После Иоанна они удвоили патрули. Они знают, что кто-то пытается контактировать с римлянами.

Береника думала быстро. Её ум, отточенный годами политических интриг, работал над проблемой.

— Тогда мы не идём через дороги. Мы идём через море. Кесария всё ещё римская территория. Прокуратор Флор там, независимо от его недостатков. Мы отправляем гонца на корабле из Иоппии²⁷.

— Иоппия также может быть под zelотским контролем...

— Тогда из частной пристани. У Элезара бен Гариса есть торговые суда. Один из его капитанов может доставить послание как часть обычной торговой миссии. Никто не заподозрит.

Иисус колебался, потом медленно кивнул.

— Это может сработать. Но кто пойдёт? После смерти Иоанна мои люди... они боятся. И я не могу их винить.

— Я пойду сам, — сказал голос за спиной Береники.

Она обернулась. Иосиф бен Маттафия стоял у входа на террасу. Молодой священник выглядел бледным, но решительным.

— Иосиф, нет. Ты слишком ценен...

— Именно поэтому я должен идти, — перебил он. — Если обычный солдат или слуга идёт, римляне могут не принять его серьёзно. Но я — священник из знатной семьи, образованный, говорящий на греческом и латыни. Я могу не только доставить послание, но и объяснить ситуацию, переговорить, убедить.

Береника изучала его лицо. Видела страх там — он не был глупцом, знал опасность. Но также видела решимость, которая была сильнее страха.

— Почему? — спросила она тихо. — Почему ты рискнёшь жизнью за это? За меня?

Иосиф подошёл ближе, встал напротив неё.

²⁷ **Иоппия** (греч. Ἰόππη) — это древнее библейское название современного города **Яффа** (Яффо), который сегодня является частью израильского мегаполиса Тель-Авив — Яффо. Это один из древнейших портовых городов мира, история которого насчитывает тысячи лет.

— Не за тебя. За наш народ. Я видел, что зелоты делают. Я видел безумие в их глазах. Я знаю, куда это ведёт. — Он сделал паузу. — У меня есть жена, царица. Молодая жена, которую я люблю. Если восстание продолжится, она умрёт. Или хуже. Так что я не делаю это из абстрактного патриотизма. Я делаю это, потому что хочу будущего, где она может жить.

Береника смотрела на него долго, потом кивнула.

— Хорошо. Иди. Но будь осторожен. И, Иосиф... — Она положила руку на его плечо. — Вернись живым. Нам понадобятся такие люди, как ты, когда это всё закончится. Чтобы восстановить. Чтобы записать. Чтобы помнить.

— Я попытаюсь, — пообещал он.

Глава 11

Составление письма заняло три дня.

Агриппа настаивал на дипломатическом языке — витиеватых фразах о дружбе между народами, об уважении к Риму, о желании мирного разрешения конфликта. Береника вычёркивала каждую такую строку красным стилем²⁸.

— Они не дураки, брат, — говорила она, склонившись над пергаментом в царском кабинете. — Римский легат прочтёт эти красивые слова и засмеётся. Он знает, что мы в отчаянии. Он знает, что у нас нет выбора. Так зачем притворяться?

— Но протокол...

— К чёрту протокол! — Береника швырнула стило на стол. — Протокол для тех, у кого есть власть. У нас её нет. У нас есть только одно преимущество — честность. Если мы будем откровенны, может быть, они нас выслушают.

В конце концов, письмо получилось кратким и прямым:

«Командующему римскими войсками в Иудее.

Мы, царь Агриппа II и царица Береника, правители Халкиды и союзники Рима, обращаемся к тебе с предложением.

Мятеж в Иерусалиме обречён. Зелоты ведут наш народ к катастрофе. Мы предвидим, что Рим победит, но победа будет долгой и дорогой.

Мы можем сократить эту цену.

Мы знаем город. Мы знаем его защитников. Мы знаем их слабости. В обмен на эту информацию мы просим только одного — гарантии нашей безопасности и сохранения наших титулов, когда война закончится.

Мы готовы встретиться в любом месте, которое ты сочтёшь безопасным.

С уважением и надеждой на мудрость Рима,

Агриппа II, царь Халкиды

Береника, царица»

Письмо было запечатано царской печатью.

Иосиф бен Магтафия покинул Иерусалим той же ночью, одетый как обычный торговец, с запечатанным посланием, спрятанным в двойном дне его седельной сумки.

Элезар бен Гарис обеспечил его сопровождением — двое опытных караванщиков, знавших все тайные тропы между Иерусалимом и побережьем. Они двигались ночью, избегая главных дорог, прячась днём в пещерах и заброшенных деревьях.

Путешествие, которое обычно занимало два дня, растянулось на пять. Дважды они едва избежали зелотских патрулей. Однажды им пришлось бросить лошадей и идти пешком через скалистый каньон, чтобы обойти заставу.

Но наконец, на рассвете шестого дня, они достигли небольшой рыбацкой деревни к северу от Иопнии, где один из торговых кораблей Элезара ждал в укрытой бухте.

²⁸ **СТИЛО** (или *стиль*, от лат. *stilus*) — это древний инструмент для письма античного мира, включая Древний Рим.

Капитан, старый финикиец по имени Хирам, принял Иосифа без вопросов. Он получил инструкции и щедрую оплату. Вопросы были не нужны и не желательны.

Корабль — небольшое торговое судно, перевозящее амфоры с вином и оливковым маслом — отплыл с утренним приливом. Плавание в Кесарию заняло день и ночь, корабль осторожно держался у берега, избегая римских военных патрулей, которые могли задержать их для проверки груза.

Иосиф провёл плавание на палубе, глядя на береговую линию, проходящую мимо. Он думал о жене, оставленной в Иерусалиме. О родителях, которые не знали, где он. О риске, который он брал, и о ещё большем риске бездействия.

Он думал также о Беренике. О странной, сложной женщине, которая была одновременно царицей и изгоем, властительницей и жертвой. Он не любил её в романтическом смысле. Но он уважал её. Уважал её готовность делать трудные выборы, нести тяжесть ненависти за попытку спасти жизни.

— Если я переживу это, — подумал он, — я запишу её историю. Не так, как zeloty будут помнить её — как предательницу. Но правдиво. Как женщину, которая пыталась.

Он не знал тогда, что это обещание себе станет его трудом его жизни. Что он действительно запишет всё — и между строк его истории будущие читатели найдут намёки на трагедию, которая пока ещё не началась.

Глава 12

Кесария встретила Иосифа запахом моря и звуками латыни.

Город был разделён на два мира, существующих бок о бок, но редко касающихся. Западная часть — римская до мозга костей. Широкие проспекты, вымощенные белым камнем. Общественные бани с горячей водой, текущей из инженерного чуда акведука. Амфитеатр у самого моря, где гладиаторские игры проводились каждые сатурналии²⁹.

Восточная часть — иудейская, греческая, сирийская — смесь культур Востока. Узкие улицы, пахнущие специями и потом. Синагоги рядом с храмами греческих богов. Рынки, где торговались на арамейском, греческом, финикийском, египетском.

Именно это напряжение между двумя мирами привело к насилию, которое зажгло восстание. Иудеи и греки города ненавидели друг друга с интенсивностью, рождённой из близости. Римские чиновники, которые должны были быть посредниками, часто делали всё хуже, предпочитая одну сторону другой, в зависимости от взяток.

Иосиф пристал в римском районе, где корабли капитана Хирама регулярно торговали. Он оставил своих спутников на корабле — меньше людей означало меньше подозрений — и направился к преторию, резиденции прокуратора.

Здание было типично римским: функциональное, массивное, не украшенное. Не красота, но власть. Не искусство, но утверждение.

У ворот стояли два легионера в полных доспехах, их лица были невыразительными под шлемами. Иосиф подошёл, пытаясь выглядеть увереннее, чем чувствовал.

— Я прошу аудиенции с прокуратором Гессием Флором, — сказал он на латыни. Его акцент был замечен, но язык был грамматически правильным — результат лет изучения.

Один из стражников посмотрел на него с плохо скрытым презрением. Ещё один восточный проситель, умоляющий о справедливости или милости.

— Прокуратор занят. Возвращайся завтра.

— Это срочно. Вопрос государственной безопасности.

²⁹ **Сатурналии** (лат. *Saturnalia*) — самый популярный и веселый праздник в Древнем Риме, посвященный богу земледелия Сатурну. Его отмечали в декабре после завершения жатвы, в период зимнего солнцестояния.

Стражники переглянулись. Возможно, ещё одна жалоба о zelotских действиях. Флор получал дюжины таких каждый день и игнорировал большинство.

— Подожди здесь.

Один стражник исчез внутри. Иосиф ждал в жарком солнце, чувствуя пот, стекающий по спине под туникой. Вокруг него Кесария продолжала свою повседневную жизнь — торговцы кричали, дети бегали, римские офицеры прогуливались в тени колоннад.

Для этого города война в Иерусалиме была далёкой проблемой. Досадной, конечно, но не непосредственной. Здесь жизнь продолжалась нормально.

— Пока, — подумал Иосиф, — Но когда легионы пойдут на Иерусалим, когда кровь начнёт течь по-настоящему, даже Кесария почувствует это.

Стражник вернулся через двадцать минут.

— Прокуратор отказывается встречаться. Он говорит, что если у тебя есть жалоба, подай письменное заявление через обычные каналы.

Иосиф ожидал этого. Флор был известен своей недоступностью — если только проситель не приходил с достаточно большой взяткой.

— Тогда, — сказал Иосиф, меня тактику, — есть ли здесь кто-то из военного командования? Легат, трибун, старший центурион?

Стражник нахмурился.

— Зачем вам военное командование?

— Потому что информация, которую я несу, касается мятежа в Иудее. Военные должны знать.

Это заинтересовало стражника. Военные всегда хотели разведывательную информацию.

— Подожди.

Ещё одно ожидание. На этот раз дольше — почти час. Солнце поднималось выше, жара становилась невыносимой. Иосиф пил из фонтана у ворот, пытаясь не думать о том, что его миссия может провалиться на этом банальном препятствии: апатии римской бюрократии.

Наконец стражник вернулся, на этот раз с офицером — трибуном³⁰ в блестящих доспехах, с красным плюмажем на шлеме.

— Ты тот, кто имеет информацию о восстании? — спросил трибун по-гречески, *lingua franca* Востока.

— Да, господин трибун. Моё имя Иосиф бен Маттафия, священник из Иерусалима. Я несу послание от царицы Береники и царя Агриппы для римского командования.

Трибун оценивающе изучал его какой-то момент.

— Следуй за мной.

Они прошли через преторий — мимо канцелярий, переполненных писцами, через внутренний двор с фонтаном, в маленькую, но хорошо обставленную комнату, где трибун жестом указал на стул.

— Говори. Что эти... правители... хотят от Рима?

Иосиф достал запечатанный свиток из своей туники.

— Лучше прочти сам, господин. Но суть в том, что не все иудеи поддерживают мятеж. Многие из нас видят безумие в противостоянии Риму. Царица Береника предлагает союз — информацию, всевозможную поддержку, помощь в подавлении мятежа — в обмен на защиту для тех, кто не воюет против вас.

Трибун взял свиток, сломал печать, прочитал медленно. Его лицо оставалось нейтральным, но Иосиф заметил лёгкий подъём бровей — удивление, возможно, или интерес.

³⁰ **Военный трибун (*Tribunus militum*)** - высшие офицеры в римском легионе. В каждом легионе было 6 трибунов. Они подчинялись легату (командиру легиона) и по очереди командовали подразделениями, следили за порядком в лагере и участвовали в военных советах. Обычно это были молодые люди из знатных семей (сенаторов или всадников), для которых эта должность была первой ступенькой в большой политической карьере.

Когда он закончил, трибун свернул пергамент и постучал им по столу, думая.

— Это... интересное предложение. Но у меня нет полномочий принимать такие решения.

Прокуратор Флор...

— Прокуратор Флор — часть проблемы, — перебил Иосиф, рискуя дерзостью. — Его действия спровоцировали многое из этого насилия. Царица Береника просит аудиенции с военным командованием, не гражданским.

Трибун смотрел на него долго.

— Ты говоришь опасные вещи, священник.

— Я говорю правду. И правда опасна только для тех, кто боится её.

Ещё одна долгая пауза. Потом трибун кивнул медленно.

— Подожди здесь.

Он вышел, забрав послание с собой.

Иосиф остался один в комнате, слушая звуки города снаружи — лай собак, крики торговцев, марш солдатских сапог по мостовой, и думая.

— Если это не сработает, что я делаю дальше? Возвращаюсь с пустыми руками? Или пытаюсь найти другой путь к римлянам?

Он не знал тогда, что за тысячу миль к западу император Нерон уже принял решение. Легионы отправлены. Восстание будет подавлено. И командовать операцией будет человек, который ещё не встретил Беренику, но чья судьба была неразрывно переплетена с её.

Полководец по имени Веспасиан. И его сын, легат Тит.

И они уже прибыли.

Глава 13

Птолемаида³¹

Море было серым и холодным, когда римские триремы³² вошли в гавань Птолемаиды. Небо затянули тучи, и ветер с запада нёс запах соли и надвигающегося шторма. Плохое предзнаменование, подумали суеверные матросы. Но полководец Веспасиан не верил в предзнаменования. Он верил в легионы.

Пять легионов и ещё вспомогательные когорты из Сирии, Фракии, Киликии — всего около шестидесяти тысяч человек. Крупнейшая военная операция на Востоке со времён Парфянской кампании. Нерон не жалел сил на подавление восстания. Потому что если Иудея отпадёт, другие провинции могут последовать. А Рим не мог позволить себе показать слабость.

Веспасиан стоял на палубе флагманской квинкверемы³³ и смотрел, как его армия высаживается на берег. В пятьдесят восемь лет он выглядел так, словно был высечен из того же камня, что и римские дороги — грубо, но навечно. Лицо, изрезанное морщинами и шрамами. Руки, которые держали меч сорок лет. Глаза, которые видели слишком много смертей, чтобы бояться ещё одной.

Рядом стоял его старший сын — легат Тит Флавий Веспасиан, тридцати лет, высокий, широкоплечий, с тёмными волосами и правильными чертами лица. Красив, но не изнеженно — красотой воина, отточенной походами и битвами. В нём было что-то от отца — та же стальная воля, та же способность командовать. Но было и что-то другое. Что-то более мягкое, более человеческое. Что-то, что Веспасиан считал опасностью.

³¹ **Птолемаида** (греч. Πτολεμαΐς) — название нескольких античных городов, основанных или переименованных правителями династии Птолемеев. Птолемаида Финикийская (современный Акко, Израиль) — это самый значимый город с таким названием в библейской и средневековой истории.

³² **Трирема** (от лат. *triremis*, в Древней Греции — **триера**) — это основной тип античного боевого гребного корабля, характерной чертой которого были три ряда весел, расположенных друг над другом с каждой стороны.

³³ **Квинкверема** (от лат. *quinqueremis*, в Древней Греции — **пентера**) — это более тяжелый и мощный тип античного боевого корабля, пришедший на смену триреме как основной ударной силе флота в IV–III веках до н. э.

— Проклятый Восток, — пробормотал старый полководец, глядя на берег. — Ненавижу это место.

Тит усмехнулся.

— Ты говорил то же самое о Британии. И о Германии. И о Дакии.

— Потому что ненавижу все места, где приходится воевать, — ответил Веспасиан. — Но Восток хуже остальных. Здесь слишком много золота, слишком много богов, слишком много женщин. Всё это размягчает легионеров. И полководцев.

Он бросил многозначительный взгляд на сына.

— Посмотри на это, сын, — старик подошел к борту, вытирая руки, пахнувшие маслом для доспехов. — Это не леса Британии, где врага нужно искать в тумане. Здесь враг — сама земля. Она слишком богата, чтобы быть покорной.

— И слишком красива, чтобы её разрушать, — тихо ответил Тит.

Веспасиан хмыкнул, его лицо, изрезанное морщинами, как кора старого дуба, осталось суровым.

— Красота — это яд, который Восток подмешивает в вино своим завоевателям. Помни об Антонии. Он думал, что покорил Египет, а в итоге Клеопатра покорила его. Рим не прощает тех, кто меняет сталь легионов на шелка цариц.

Тит промолчал и вздохнул. Он знал, к чему ведёт отец и что он прав.

— Отец, неужели ты думаешь, что я...

— Я думаю, сын мой, что ты молод, — перебил его Веспасиан. — А молодость опасна на Востоке. Помнишь историю Марка Антония?

— Конечно. Клеопатра соблазнила его, он предал Рим, они проиграли войну и покончили с собой. — Тит закатил глаза. — Отец, эту историю рассказывают каждому мальчику в Риме. Я не настолько глуп.

— Антоний тоже не был глупцом, — возразил Веспасиан. — Он был величайшим полководцем своего времени. Сподвижником Цезаря. Триумвиром. Но он встретил египетскую царицу, и всё пошло прахом. — Старик положил тяжёлую руку на плечо сына. — Восточные женщины не такие, как римлянки, Тит. Они знают искусства, о которых наши матроны не слышали. Они умеют говорить так, что мужчина забывает про долг. Они красивы, как яд красив — опасно, смертельно красивы.

Тит рассмеялся, пытаясь разрядить напряжение.

— Отец, я здесь, чтобы завоевать Иудею, а не искать любовниц.

— Хорошо, — Веспасиан кивнул. — Помни об этом. Мы здесь для выполнения приказов императора, не для того, чтобы наслаждаться восточной роскошью и ввязываться в скандалы. Одна неосторожность, один слух о связи с местной аристократкой или царицей, и Нерон использует это как предлог, чтобы отозвать нас или хуже.

Тит собирался ответить, но в этот момент к ним подошёл трибун.

— Полководец, легионы готовы к высадке. Ждём приказа.

Веспасиан кивнул.

— Начинайте. X легион первым. Установите лагерь как обычно. Я хочу укрепления к закату.

— Слушаюсь!

Трибун поспешно удалился.

Веспасиан повернулся к Титу.

— Ты примешь командование авангардом. XV легион. Проведи разведку к северу, узнай, что происходит в Галилее. Но никаких сражений без моего приказа. Понял?

— Да, отец.

— Хорошо. — Веспасиан начал было уходить, но остановился. Обернулся. Его лицо вдруг стало мягче. — Тит... ты мой наследник. Когда-нибудь ты будешь командовать этими

легионами без меня. Возможно, даже большим. Но для этого ты должен помнить: полководец, который позволяет эмоциям управлять собой, мёртвый полководец. А полководец, который влюбляется не в ту женщину... — Он не закончил фразу, но Тит понял.

— Я помню, отец. Всегда.

Веспасиан кивнул и ушёл, оставив сына одного на палубе.

Тит стоял и смотрел на берег. Он думал о словах отца. О Клеопатре и Антонии. О восточных женщинах и опасностях Востока. И усмехнулся.

Какие опасности? Он здесь, чтобы воевать с фанатиками, а не ухаживать за царицами. Он легат Рима, воин, человек долга. Его интересуют стратегия, тактика, победа.

Не любовь.

Не страсть.

Не женщины.

Он был уверен в этом.

Абсолютно уверен.

И через три недели он встретит Беренику и поймёт, как жестоко ошибался.

Глава 14

Утром Иосиф бен Маттафия стоял на каменной пристани в Птолемаиде, глядя на флот, который медленно приближался к гавани. Триремы — военные корабли с тремя рядами вёсел, способные нести сотни солдат. Транспортные суда, тяжёлые от груза снаряжения, оружия, осадных машин. И флагманская квинкверема в центре, с красным штандартом, развевающимся на мачте.

Вокруг него собралась толпа — местные жители Птолемаиды, греки и финикийцы в основном, смотрели со смесью страха и любопытства. Некоторые приветствовали. Римская власть означала порядок, защиту от бандитов и пиратов. Для них легионы были освободителями.

Для Иосифа они были чем-то другим. Неизбежностью. Бурей, которую нельзя было остановить, только, возможно, направить.

Первый корабль причалил. Трап был опущен. И они начали выходить.

Легионеры.

Иосиф видел римских солдат раньше — гарнизоны в Кесарии и Иерусалиме, охранники прокураторов, случайные патрули. Но это было другим. Это была не горстка солдат. Это была армия.

Они маршировали строем, их калиги били по деревянному трапу в идеальном ритме. Каждый человек нёс полную экипировку — доспехи (*lorica segmentata*, сегментированная броня, сверкающая на солнце), шлем с защитой для щёк, большой прямоугольный щит (*scutum*), короткий меч (*gladius*) на правом бедре, кинжал (*pugio*) на левом. На спине — рюкзак (*sarcina*) с палаткой, инструментами, пайком на несколько дней.

Около тридцати килограммов снаряжения на человека. И они несли это, маршируя, как будто оно не весило ничего.

Центурионы кричали команды. Солдаты формировались в когорты. Знаменосцы высоко держали штандарты легионов — орлы из золотой бронзы, символы непобедимой силы Рима.

Корабль за кораблём разгружался. Сотни становились тысячами. Тысячи заполняли пристань, потом площадь за ней, потом начали марш к открытому полю к северу от города, где, как Иосиф знал, будет построен военный лагерь.

Это заняло весь день. К закату около пятнадцати тысяч легионеров уже высадились — первые три легиона. Остальные два придут в течение следующих дней.

Иосиф наблюдал всё это с растущим чувством ужаса. Не от страха за себя — он был под римской защитой теперь, по крайней мере, временно. Ужас был за свой народ. За zelotim

в Иерусалиме, которые думали, что могут победить *это* с импровизированным оружием и религиозным пылом.

Они понятия не имели, с чем столкнулись. Это не была армия людей. Это была машина — точная, эффективная, непобедимая.

Три недели прошло с тех пор, как он доставил послание Береники. Три недели напряжённого ожидания, во время которых Иосиф оставался в Кесарии, не смея вернуться в Иерусалим, где zeloty, вероятно, уже знали о его миссии и жаждали его крови.

Ответ пришёл не от прокуратора Флора — тот продолжал игнорировать ситуацию, предпочитая пить вино в своей вилле.

К утру следующего дня, на поле, которое вчера было пустым, стоял город.

Иосиф прибыл туда с несколькими спутниками. То, что он увидел, поразило его.

Римский военный лагерь (*castra*) был не случайным скоплением палаток. Это была геометрическая совершенность — прямоугольник, ориентированный по сторонам света, разделённый на аккуратные секции прямыми улицами.

По периметру — укрепления, построенные за одну ночь. Ров (*fossa*), глубиной в два метра, шириной в три. Земляной вал (*agger*) за ним. Деревянный частокол (*vallum*) на вершине вала, с заострёнными кольями, направленными наружу.

Четверо ворот — по одному на каждой стороне — охранялись сторожевыми башнями. Красные знамёна развевались на башнях, видимые на мили.

Внутри — идеальная организация. В центре — преторий (*praetorium*), командный штаб, где жил и работал командующий. Вокруг него — палатки офицеров, трибунов, центурионов. Потом секторы для каждого легиона, каждый разделён на когорты, каждая когорта на центурии.

Между секторами — прямые улицы, достаточно широкие для марша войск. Главная улица (*via praetoria*) шла от главных ворот к преторию. Пересекающая её (*via principalis*) делила лагерь на две половины.

Были также: больница (*valetudinarium*), мастерские для ремонта оружия и доспехов, конюшни для лошадей, загоны для вьючных животных, склады для провианта, кузницы, где кузнецы уже работали, их молоты звенели ритмично.

На окраине лагеря — полигон для тренировок. Даже сейчас, менее чем через день после прибытия, легионеры тренировались. Формировали строи, практиковали атаки с мечами против деревянных столбов, метали пилумы (метательные копья) в мишени.

Не было простоя. Не было беспорядка. Каждый солдат знал свою роль, своё место, свою задачу.

Иосиф стоял у входа, наблюдая всё это, и впервые по-настоящему понял: Рим был непобедим не потому, что их солдаты были храбрее. А потому, что они были организованнее. Дисциплинированнее. Эффективнее.

Zeloty в Иерусалиме были храбры. Но храбрость без дисциплины была просто способом впечатляюще умереть.

Центурион подошёл к нему — старший по виду, с лицом, изрезанным шрамами, и гребнем на шлеме, указывающим его ранг.

— Ты Иосиф? Священник из Иерусалима?

— Да, господин центурион.

— Легат Тит тебя ожидает. Следуй.

Они прошли через лагерь. Легионеры смотрели на Иосифа с любопытством — восточный человек в их римском мире. Некоторые комментировали на латыни, не зная, что он понимал язык.

— Ещё один из этих иудеев, готовых продать своих. — Они все одинаковые. Будут лизать сапоги за золото. — Тише, дурень. Командование хочет его сотрудничества.

Иосиф игнорировал комментарии. Он давно научился, что достоинство иногда требовало глухоты.

Они достигли претория — большой палатки, отличающейся от других только размером и штандартом перед ней. Внутри было удивительно просторно — разделено на несколько секций тяжёлыми занавесями. Командная секция, куда Иосифа провели, была заполнена столами, покрытыми картами, докладами, восковыми табличками.

И там, склонившись над картой Иудеи, был человек, который изменит всё.

Легат Тит Флавий Веспасиан (младший) был не тем, кого Иосиф ожидал. В тридцать лет он был молодым для такой ответственности, но всё в его манере говорило о компетентности. Высокий, с широкими плечами воина. Тёмные волосы, коротко остриженные в военном стиле. Лицо, которое могло бы быть красивым, если бы не было таким суровым.

Он носил простую белую тунику без украшений — практичная одежда для работы, не парадный костюм. Только красный пояс (*singulum*) указывал его ранг офицера.

Когда Иосиф вошёл, Тит не поднял головы сразу. Он изучал карту, его палец прослеживал дорогу от побережья к Иерусалиму.

— Иосиф бен Маттафия, — сказал он наконец, всё ещё не глядя вверх. Его греческий был беглым, хотя акцент выдавал, что это не был его родной язык. — Священник, который доставил послание от царицы Береники.

— Да, легат.

Теперь Тит поднял глаза. Его взгляд был прямым, оценивающим. Не враждебным, но внимательным. Глаза лидера, привыкшего читать людей быстро, отделять полезных от бесполезных, честных от лживых.

— Садись. — Он указал на стул напротив стола. — У нас есть много о чём поговорить.

Иосиф сел. Его сердце билось быстрее, чем он хотел бы признать. Это был момент, когда судьба его народа могла качнуться в одну сторону или другую, в зависимости от слов, которые будут сказаны в этой палатке.

Тит налил два кубка разбавленного вина, протянул один Иосифу. Жест гостеприимства, неожиданный от завоевателя к представителю врага.

— Расскажи мне о ситуации в Иерусалиме, — сказал Тит, отпивая свой кубок. — Реальную ситуацию, не то, что официальные доклады говорят.

Иосиф задумался, как ответить. Потом решил: честность. Если союз должен был работать, он должен был быть построен на правде, не лести.

— Иерусалим контролируется zelотами. Не полностью, но достаточно, чтобы развязать террор против тех, кто не согласен. Они перебили римский гарнизон, объявили независимость от Рима. Они верят, что Бог защитит их, что чудо произойдёт.

— Чудо, — повторил Тит с лёгкой иронией. — Всегда чудеса. Каждый мятежник в истории верил, что боги на его стороне. — Он отставил кубок. — Сколько у них людей? Обученных бойцов?

— Трудно сказать точно. Может быть, пятнадцать тысяч, кто может держать оружие. Но большинство не обучены — земледельцы, торговцы, ремесленники. Все, кто взял мечи и копья, но не знает, как использовать их эффективно.

— Оружие?

— Случайное, в основном. Некоторые мечи, захваченные у римского гарнизона. Копья, луки. Много камней для метания. Они сильны в городском бою. Но против организованных легионов в открытом поле... — Иосиф покачал головой.

Тит кивнул, ожидая этого ответа.

— Укрепления?

— Иерусалим защищён тройным кольцом стен. Внешняя стена новая, построенная царём Агриппой I, защищает северные пригороды. Вторая стена окружает центральный город. Тре-

тя, самая старая и самая прочная, защищает Храмовую гору и старый город. — Иосиф наклонился вперёд. — Но легат, ты должен понимать: для иудеев это больше, чем военная проблема. Храм — это сердце нашей веры. Если ты уничтожишь его, ты уничтожишь не просто здание. Ты уничтожишь душу народа.

Тит смотрел на него долго, выражение его лица было непроницаемым.

— Я слышал это раньше. От других завоёванных народов. 'Не трогайте наши святыни, и мы будем мирными'. Но потом святыни становятся крепостями, используемыми против нас. — Он встал, прошёлся по палатке. — Я не хочу разрушать ваш Храм, Иосиф. Но если защитники используют его как последний оплот, если они оставляют мне выбор между его разрушением и гибелью моих солдат... что, ты думаешь, я выберу?

— Твоих солдат, — ответил Иосиф тихо. — Я не винил бы тебя. Но я прошу: по крайней мере, попытайся избежать этого. Царица Береника может помочь. Она знает город. Знает его защитников. Возможно, с её информацией ты можешь взять Иерусалим быстрее, с меньшим разрушением.

Тит вернулся к столу, налил ещё вина.

— Расскажи мне о ней. О царице Беренике. Кто она на самом деле?

Иосиф выбирал слова осторожно.

— Она... сложная женщина. Дочь царя Агриппы I, правнучка Ирода Великого. Она была замужем три раза, все политические браки, ни одно замужество не принесло счастья. Она умна — возможно, умнее любого мужчины в Иерусалиме. Она понимает политику, власть, выживание. — Он сделал паузу. — Она также отчаянна. Знает, что восстание обречено. Пытается спасти то, что можно спасти, даже если это стоит ей репутации, безопасности, всего.

— Почему она так рискует?

Иосиф думал об этом долго прежде, чем ответить.

— Я думаю, потому что она устала видеть смерть. Она потеряла трёх мужей. Видела, как её семья разрушалась под римским правлением. Видела слишком много крови. И она решила: больше нет. Любой ценой, но больше нет смертей, которые она может предотвратить.

Тит кивнул медленно.

— Благородные мотивы. Или наивные. Время покажет, что из этого. — Он развернул другую карту, более детальную, Иерусалима и окрестностей. — Когда она хочет прибыть?

— Как можно скорее. С царём Агриппой II и небольшой свитой.

— Хорошо. Я встречу их. Выслушаю их предложение. — Тит посмотрел прямо на Иосифа. — Но ты должен понять кое-что. Император приказал подавить это восстание. Не переговоры. Не компромиссы. Подавление. Иерусалим падёт. Единственный вопрос — как много людей умрёт в процессе. Если ваша царица может сократить это число, я буду слушать. Но если она думает, что может торговаться, изменить полученный мной приказ, она будет разочарована.

— Она понимает реальность, — заверил Иосиф. — Она не приходит переговаривать о спасении Иерусалима. Только о том, чтобы смягчить падение.

— Тогда, возможно, мы можем работать вместе. — Тит протянул руку — римский жест рукопожатия. — Добро пожаловать в лагерь, Иосиф бен Маттафия. Ты теперь советник армии Рима.

Иосиф взял руку, пожал её.

И почувствовал, как последний мост к прошлой жизни сгорел за ним. Он предатель теперь в глазах своего народа. Но, может быть, также спаситель. История решит, что из этого.

Если кто-то останется жив, чтобы писать историю.

Глава 15

Иосиф вернулся в Иерусалим (тайно, тем же маршрутом, что использовал, чтобы уйти) и передал свиток Беренике, её лицо не выразило эмоций. Она просто кивнула, как будто получила подтверждение чего-то, что уже знала наверняка.

— Пять легионов, — повторила она тихо. — Двадцать пять тысяч человек. Плюс вспомогательные войска. — Она посмотрела на Иосифа. — Это армия вторжения, а не миротворческая сила.

— Да, — согласился Иосиф. — Рим не намерен вести переговоры. Они намерены завоевать.

Береника развернула римский свиток дрожащими руками. Почерк был твёрдым, уверенным, без излишних завитушек — почерк воина, не писца:

*«Царю Агриппе и царице Беренике,
Ваше предложение получено и рассмотрено.*

Легат Тит Флавий согласен на встречу.

Место: военный лагерь в Птолемаиде.

Время: три дня от получения этого письма.

Приходите с минимальным эскортом. Ваша безопасность гарантируется именем Рима и личной честью легата.

Центурион Марк Антоний Юлиан,

От имени легата Тита»

Береника перечитала письмо трижды. Потом медленно свернула его и посмотрела на Агриппу.

— Они согласились, — сказала она, и в её голосе было странное смешение облегчения и страха.

— Три дня, — пробормотал Агриппа. — Это очень быстро. Нам нужно подготовиться...

— Нам не нужно готовиться, — перебила его Береника. — Нам нужно ехать. Сейчас. Сегодня. Пока zeloty не узнали и не убили нас раньше, чем мы успеем покинуть город.

Она была права. К вечеру того же дня караван из трёх повозок, дюжины всадников и двух паланкинов покинул Иерусалим через северные ворота, официально направляясь в Кесарию Филиппову «для инспекции владений царя».

Никто не остановил их. Zeloty были слишком заняты укреплением стен и спорами о том, кто будет командовать обороной.

Они не заметили, как их последний шанс на дипломатическое разрешение конфликта ускользнул в ночи.

Путешествие до Птолемаиды заняло четыре дня.

Четыре дня по пыльным дорогам Галилеи, через деревни, где люди смотрели на царский караван с подозрением и страхом. Четыре дня, в течение которых Береника почти не спала, повторяя в уме то, что скажет римскому полководцу.

Что можно сказать человеку, который держит твою жизнь в руках?

Как убедить завоевателя пощадить побеждённую?

Какие слова могут превратить врага в союзника?

Она не знала. Но она должна была попробовать.

На четвёртый день, когда солнце клонилось к закату, они увидели море. Средиземное море, бескрайнее и синее, отражающее последние лучи дня. А на берегу, раскинувшийся на несколько миль — римский военный лагерь.

Береника выглянула из паланкина и ахнула.

Она видела армии раньше. Она видела легионы, проходящие через Кейсарию. Но это... это было что-то другое.

Ряды палаток, выстроенные в идеальном порядке. Укрепления, построенные с геометрической точностью. Сторожевые башни через каждые сто шагов. Рвы, частоколы, катапульты,

осадные башни. И легионеры — тысячи легионеров, марширующих строем, тренирующихся с мечами, чинящих доспехи.

Это была не просто армия. Это была машина. Машина для завоевания мира.

И где-то в этой машине был человек, который решит её судьбу. Легат Тит.

Караван царицы Береники приблизился к римскому лагерю.

Это была скромная процессия — три повозки, дюжина всадников, два паланкина. Наме­ренно скромная. Береника не хотела появляться как высокомерная царица, требующая уваже­ния. Она хотела появиться как проситель, ищущий милости.

Это был театр. Но театр всегда был важен в политике.

Их встретили у ворот лагеря центурионы в полных доспехах, с красными плюмажами на шлемах. Лица как из камня. Глаза, которые оценивали каждое движение.

— Царь Агриппа? Царица Береника? — спросил старший из них на приличном грече­ском.

— Мы, — ответил Агриппа, голос дрожал.

— Следуйте за нами. Легат ждёт.

Их провели через лагерь. Береника шла рядом с паланкином, отказавшись сидеть внутри. Она хотела видеть, хотела понимать с чем они столкнулись.

Легионеры смотрели на них с любопытством. Некоторые насмешливо. Некоторые с инте­ресом. Один свистнул вслед Беренике, но центурион немедленно ударил его древком копья.

— Молчать! Это царственная гостья!

Береника не отреагировала. Она видела худшее.

Наконец они достигли центра лагеря, где стояла большая командная палатка — преторий. Перед ней развевался красный штандарт с золотым орлом.

Символ легиона.

Символ Рима.

Символ силы, которая сокрушила Карфаген, покорила Грецию, завоевала Галлию.

Береника остановилась, глядя на орла, и вдруг почувствовала, как её охватывает стран­ное, почти мистическое чувство.

Она стояла на пороге.

На пороге своей судьбы.

На пороге встречи, которая изменит всё.

Центурион отодвинул полог палатки.

— Легат вас примет.

Береника посмотрела на Агриппу. Он кивнул. Они вошли.

И мир изменился.

Глава 16

И Тит увидел её впервые.

Позже, многие годы спустя, когда он лежал на смертном одре, этот момент будет одним из последних воспоминаний, которые придут к нему. Не великие битвы. Не триумфы. Этот момент: женщина в свете заката, и мир, останавливающийся на мгновение.

Она не была классически красивой, не в греческом смысле. Её лицо было сильным, не мягким — высокие скулы, выраженный нос, рот, который выглядел готовым к улыбке или команде с равной лёгкостью. В тридцать восемь лет она была в том возрасте, когда женщины Средиземноморья либо увядают, либо созревают в нечто более интересное, чем юность. Береника была последним.

Её глаза были тёмными, почти чёрными, и интеллект в них был видим мгновенно. Это были глаза, которые видели слишком много, знали слишком много, судили всё.

Она была одета просто — синяя туника, закрытая, достойная, без излишних украшений. Только диадема на её тёмных волосах, завязанных в сложную причёску, указывала её статус.

Позади неё Агриппа выглядел меньшим, слабейшим — царь, чьё царство было названием, не реальностью.

Тит шагнул вперёд, его офицеры выстроились за ним в линию.

— Царица Береника. Царь Агриппа. — Он говорил на греческом, формально, но не холодно. — Добро пожаловать в лагерь римских легионов. Я легат Тит Флавий Веспасиан.

Береника изучала его момент прежде, чем ответить. Её глаза встретили его, держали контакт — не вызывающе, но уверенно. Равная встречала равного, несмотря на разницу в силе.

— Легат Тит, — сказала она, её голос был ниже, чем он ожидал, приятный. — Мы благодарны, что ты согласился встретиться с нами. Я знаю, что это необычная ситуация.

— Необычная, — согласился Тит. — Но не беспрецедентная. Рим всегда работал с местными правителями, когда они выказывали мудрость.

— Мудрость, — повторила Береника с лёгкой иронией. — Интересное слово. Некоторые назвали бы это трусостью. Или предательством.

Тит поднял бровь. Он ожидал, что она будет осторожнее, более дипломатичной. Эта откровенность была... неожиданной.

— А ты? Как ты называешь это?

Береника встретила его взгляд прямо.

— Выживание. Единственное, что имеет значение, когда взамен — вымирание.

Тишина повисла момент. Офицеры вокруг Тита переглянулись. Агриппа нервно кашлянул. Но Тит и Береника продолжали смотреть друг на друга, и что-то в том взгляде — что-то невысказанное, неназванное — пронеслось между ними.

Признание, возможно. Двух людей, которые понимали тяжесть власти. Которые делали невозможные выборы. Которые несли бремя, которое другие не могли понять.

Наконец Тит медленно кивнул.

— У нас есть много о чём поговорить. Мои офицеры подготовили размещение для тебя и твоей свиты. Но сначала давайте обсудим, почему ты здесь.

Они прошли вовнутрь претория, Агриппа и старшие офицеры Тита последовали за ними. Но в тот момент, переходя из заката в сумерки, судьба была запущена в движение.

История началась.

Трагедия началась.

И любовь — невозможная, обречённая, неистребимая любовь — посеяла свои первые семена во взгляде, разделённом между завоевателем и царицей, между Западом и Востоком, между долгом и сердцем.

Ни один не знал этого ещё.

Но боги знали.

И боги, если они наблюдали, должно быть, плакали.

Потому что некоторые истории не имеют счастливых концов.

Только печальные, прекрасные, незабываемые.

Внутри претория воздух был прохладнее, пахло кожей, маслом для ламп и пергаментом. Карты покрывали центральный стол — не только Иудеи, но всего восточного Средиземноморья. Тит был полководцем, который понимал: каждая кампания была частью большей стратегии.

Береника остановилась у стола, её глаза скользили по картам.. Она немедленно нашла Иерусалим — маленькая точка, отмеченная красным, в центре сети дорог и городов.

— Ты уже планируешь осаду, — сказала она утвердительно.

— Планирование — это моя работа, — ответил Тит, подходя к противоположной стороне стола. — Но исполнение требует информации. Вот где вы пригодитесь.

Он жестом пригласил всех сесть. Береника заняла место напротив него, Агриппа рядом с ней. Офицеры Тита разместились по сторонам — молчаливые наблюдатели, оценивающие этих восточных монархов.

— Прежде чем мы заговорим о деталях, — начал Тит, — я хочу понять твои мотивы. Ты иудейская царица, помогающая Риму покорить свой народ. Почему?

Береника не колебалась.

— Потому что мой народ совершает самоубийство, и я пытаюсь предотвратить это. Зелоты верят в чудеса. Я верю в математику. — Она наклонилась вперёд. — У вас пять легионов. Двадцать пять тысяч обученных солдат, плюс вспомогательные войска. У зелотов пятнадцать тысяч необученных одержимых с импровизированным оружием. Вы имеете осадные машины, инженеров, неограниченные запасы. Они имеют стены и молитвы. — Она сделала паузу. — Исход не вызывает сомнений. Единственный вопрос — сколько невинных людей умрёт, прежде чем зелоты примут это.

Один из трибунов Тита, молодой человек с высокомерным лицом, фыркнул.

— Если исход так очевиден, почему они вообще восстали?

Береника повернулась к нему, её глаза смотрели холодно.

— Потому что фанатики не думают логически. Они думают эмоционально. Столетия угнетения, оскорбления их религии, продажные прокураторы, как Флор, грабящие их... всё это создало ярость, которая преодолевает разум.

Она посмотрела обратно на Тита: — Твоя задача — победить их военной силой. Моя задача — попытаться спасти тех, кто может быть спасён.

Тит изучал её лицо, ища признаки лжи, манипуляции. Он ничего не нашёл, кроме искренности и усталости. Это была женщина, измученная годами борьбы, годами невозможных выборов.

— Ваше письмо упоминало, что вы можете предоставить информацию, — сказал он. — Какую именно?

Береника подошла к карте.

— Три кольца укреплений. Первая стена здесь, защищая новый город. Она самая слабая, построенная недавно, не полностью завершённая. Она упадёт первой. — Её палец двинулся. — Вторая стена окружает центральный город. Прочнее, но имеет слабое место здесь, у ворот Эфраима. Башня там была повреждена в землетрясении пять лет назад, никогда полностью не отремонтирована.

Тит слушал внимательно, его ум уже работал над тактикой.

— И третья стена?

— Самая старая. Самая прочная. Защищает Храмовую гору и старый город. — Её голос стал тише. — Это будет ваша самая большая проблема. Не из-за стен — они прочны, но не непроницаемы. Из-за того, что внутри. Храм. Для защитников это святая земля. Они будут сражаться до последнего человека, чтобы защитить её.

— Тогда мы возьмём её последней, — сказал Тит прагматично.

Береника резко повернулась к нему.

— И когда вы возьмёте её, что вы сделаете с Храмом?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый от недосказанности.

Тит встал, подошёл к ней. Они стояли близко теперь, у карты, лицом к лицу.

— Храм, — сказал он в какой-то момент. — Расскажи мне о Храме.

Береника замаялась. Это была большая тема.

— Храм... это сердце Иудеи, — сказала она медленно. — Не просто религиозное место. Это символ. Нашей особенности. Нашей истории. Нашей связи с Богом. — Она посмотрела на Тита. — Если ты разрушишь Храм, ты уничтожишь не просто здание. Ты уничтожишь народ.

— Но если я пощажу Храм, — ответил Тит, — зелоты будут использовать его как последнее укрытие. Они укрепятся там, и мне придётся брать его штурмом. Что, вероятно, приведёт к его разрушению так или иначе.

— Да, — согласилась Береника. — Вероятно.

— Тогда какое решение ты предлагаешь?

Береника молчала. Потому что не знала ответа. Не было хорошего ответа. Был только выбор между плохим и ужасным.

— Я не знаю, — сказала она наконец честно. — Я не полководец. Я не могу сказать тебе, как вести осаду. Я могу только сказать — если есть способ сохранить Храм, пожалуйста, постарайся найти его. Не для зелотов. Не для Иудеи. Но для... — Она замолчала, подбирая слова. — Для истории. Для того, чтобы потомки не помнили эту войну только как резню и разрушение.

Тит смотрел на неё странно. Его лицо было всё так же непроницаемым, но что-то в его глазах изменилось. Смягчилось.

— Я постараюсь, — сказал он тихо. — Обещаю. Я постараюсь сохранить Храм.

Это была ложь. Или, скорее, обещание, которое он не сможет выполнить. Но в тот момент он верил в него. И Береника хотела верить.

— Спасибо, — прошептала она.

— Я попытаюсь сохранить его, — сказал он тихо. — Если это возможно. Если защитники не превратят его в крепость. Но я не буду обещать невозможное.

— Справедливо, — ответила Береника после паузы. — Я не прошу чудес. Только... попытку.

Их глаза встретились снова, держали контакт дольше, чем было необходимо. Что-то в том взгляде — за словами, за политикой, за войной — соединилось.

Агриппа, наблюдая, почувствовал дискомфорт. Это было больше, чем дипломатическая встреча. Это было... что-то другое. Что-то, что он не мог назвать, но что беспокоило его.

Тит разорвал контакт первым, отвернулся к своим офицерам.

Разговор продолжился. Они обсудили логистику. Когда Береника и Агриппа должны публично объявить о своём союзе с Римом. Как организовать связь. Какие гарантии Рим может дать.

Тит был великодушен в обещаниях. Слишком великодушен, подумала циничная часть сознания Береники. Что означало — либо он действительно ценил их помощь, либо легко давал обещания, которые не собирался сдерживать.

Время покажет, какой из вариантов верен.

Наконец, когда стемнело и в палатку внесли масляные лампы, Тит встал, обозначая, что аудиенция окончена.

— У меня есть предложение, — сказал он. — Оставайтесь в лагере на ночь. Завтра мой отец, полководец Веспасиан, хочет встретиться с вами. Он командует общей операцией, и финальное решение о вашем статусе будет за ним.

— Конечно, — ответил Агриппа быстро. — Мы будем рады...

— Но знайте, — перебил его Тит, и его голос стал холоднее, — мой отец не так... дипломатичен, как я. Он старый солдат. Он не доверяет восточным правителям. Вам придётся убедить его так же, как вы убедили меня.

— Мы постараемся, — сказала Береника.

Тит кивнул. Затем, неожиданно, он обратился напрямую к ней, игнорируя Агриппу:

— Царица, могу я задать личный вопрос?

Береника напряглась.

— Конечно.

— Почему ты? — Он сделал жест, охватывающий её всю. — Почему ты ведёшь эти переговоры, а не твой брат? Он царь, насколько я понимаю.

Агриппа покраснел, но Береника ответила спокойно:

— Потому что я лучше в этом, легат. Мой брат — хороший человек, но плохой политик. Я научилась выживать при дворе, где женщина должна быть в десять раз умнее мужчины, чтобы получить хоть малую толику власти. — Она усмехнулась. — Это хорошая подготовка для переговоров с завоевателями.

Тит улыбнулся — впервые по-настоящему улыбнулся, не иронично, а искренне.

— Полагаю, ты права. — Он протянул руку для рукопожатия, как делают римляне. — До завтра, царица Береника.

Она пожала его руку. Его хватка была сильной, тёплой. Она продержала рукопожатие секунду дольше, чем нужно.

И почувствовала, как что-то проходит между ними. Искра. Связь. Что-то, чего она не могла назвать, но что заставило её сердце биться чуть быстрее.

Опасно, — подумала она, отпуская его руку. — Этот человек опасен. Не потому, что он враг. А потому, что он может стать чем-то большим.

— Мы начнём кампанию через две недели. Дайте легионам время акклиматизироваться, завершить подготовку. — Он повернулся обратно к Беренике. — На это время я хотел бы, чтобы ты и твой брат остались в лагере. Консультировались. Помогали нам понять местные обычаи, политику, слабости защитников.

— Мы останемся, — согласилась Береника.

— Хорошо. Моим офицерам приказано подготовить размещение для вас. Ничего роскошного — это военный лагерь, не дворец. Но удобное.

— Комфорт не важен, — сказала Береника. — Только результаты.

Встреча формально закончилась. Береника и Агриппа были проведены к палаткам, подготовленным для них — скромным, но чистым, в офицерской секции лагеря.

Когда они ушли, один из трибунов Тита наклонился к нему.

— Легат, ты доверяешь им?

Тит долго не отвечал, глядя на вход, через который Береника вышла.

— Доверие — это слишком сильное слово, — сказал он наконец. — Но я верю, что их интересы временно совпадают с нашими. Этого пока достаточно.

Но даже произнося эти слова, он знал, что лгал себе. Что-то в том разговоре, в том взгляде, в той женщине, зацепило что-то в нём. Что-то, что он, думал, похоронил после смерти жены десятью годами ранее.

Любопытство, возможно. Или признание. Или начало чего-то гораздо более опасного.

Глава 17

Им предоставили скромные палатки в офицерской части лагеря. Агриппа немедленно рухнул на походную кровать, обессиленный напряжением дня.

Береника не могла спать.

Она вышла из палатки и пошла вдоль лагеря. Часовые смотрели на неё, но не останавливали — очевидно, Тит приказал позволить ей свободно передвигаться.

Лагерь жил своей ночной жизнью. У костров сидели легионеры, чинили снаряжение, играли в кости, пели песни на латыни. Запах дыма, варёного мяса, кожаных доспехов, пота. Мужской запах. Запах армии.

Береника дошла до края лагеря, где укрепления выходили к морю. Здесь было тише. Только шум волн и крики чаек.

Она стояла, глядя на тёмную воду, и думала о том, что произошло.

Встреча прошла лучше, чем она ожидала. Тит оказался... не тем, кого она представляла. Она ожидала жестокого солдафона или высокомерного аристократа. Вместо этого встретила умного, прямого человека, который слушал больше, чем говорил.

— Опасно, — снова подумала она.

— Не спится?

Она обернулась. Тит стоял в нескольких шагах, одетый по-прежнему просто, без доспехов. В руках — две чаши с вином.

— Я не хотел пугать, — сказал он, подходя и протягивая ей одну чашу. — Увидел тебя из своей палатки. Подумал, тебе может быть одиноко.

Береника взяла чашу.

— Легат, тебе не нужно...

— Тит, — перебил он. — Когда мы наедине, просто Тит. Я устал от церемоний.

— Тогда Береника. Не царица. Просто Береника.

Они отпили вино, стоя рядом и глядя на море.

— Красиво, — сказал Тит. — Море. Всегда находил его успокаивающим. Особенно ночью.

— Да, — согласилась Береника. — В Иерусалиме нет моря. Только пустыня и горы. Я скучала по воде.

— Ты родилась там? В Иерусалиме?

— Нет. Я родилась в Кесарии. У моря. — Она усмехнулась. — Но потом меня выдали замуж и отправили в Иудею. С тех пор я живу там.

— Сколько раз ты была замужем? — спросил Тит, потом осёкся. — Прости, это слишком личный вопрос.

— Нет, всё в порядке. — Береника пожала плечами. — Три раза. Первый раз — в тринадцать. Он умер через год. Второй — в шестнадцать. Развод через пять лет. Третий — в двадцать три. Вдова через два года.

Тит свистнул тихо.

— Боги. Это... Мне жаль.

— Не надо. — Береника отпила ещё вина. — Таков удел царственных женщин. Нас выдают за тех, кто выгоден династии. Любовь не имеет значения.

— У тебя были дети?

— Нет. — В её голосе прозвучала боль. — Не смогла. Это было... одной из причин развода со вторым мужем. Он хотел наследника.

Тит молчал момент, потом сказал:

— У меня была жена. Аррецина Терция. Мы поженились молодыми. Она умерла от лихорадки десять лет назад. У нас была дочь — Юлия. Ей сейчас десять лет, живёт в Риме с моей матерью.

— Ты скучаешь по ней?

— Каждый день. — Он усмехнулся. — Странно говорить об этом с человеком, которого я встретил сегодня.

— Иногда с незнакомцами проще, — ответила Береника. — Они не судят. Не ждут от вас ничего.

— Мудрые слова.

Они замолчали, но тишина была комфортной. Тишина двух людей, которые неожиданно обнаружили, что им не нужны слова.

Наконец Тит заговорил снова:

— Ты знаешь, что тебя ждёт? Если ты действительно поможешь нам против твоего народа?

Береника кивнула.

— Меня будут называть предательницей. Проклинать. Возможно, попытаются убить. — Она посмотрела на него. — Но я уже решила. Я пережила трёх мужей, десятки унижений, годы борьбы за власть, которой по-настоящему никогда не имела. Я не собираюсь умирать ради людей, которые презирают меня.

— Это эгоистично, — заметил Тит.

— Да, — согласилась Береника. — Но честно.

Тит засмеялся.

— Мне нравится твоя честность, Береника. Это редкость.

— Мне нравится твоя прямота, Тит. Это тоже редкость.

Они посмотрели друг на друга, и что-то в воздухе изменилось. Напряжение, но не враждебное. Другое. Притягивающее.

Тит шагнул назад.

— Мне следует идти. Завтра рано подъём.

— Конечно.

Он повернулся, чтобы уйти, потом остановился.

— Береника... Я рад, что ты пришла. К нам. Я думаю... — Он замолчал, подбирая слова, — Я думаю, это начало чего-то важного.

— Надеюсь, — ответила она тихо.

Он ушёл в ночь, оставив её одну с морем и звёздами.

Береника допила вино и стояла ещё долго, думая об этом странном римском полководце, который был совсем не тем, кого она ожидала встретить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.